18+

Зоя Выхристюк

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР

Зоя Выхристюк

Женский взгляд на мужской характер

«Издательские решения»

Выхристюк З.

Женский взгляд на мужской характер / З. Выхристюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744164-7

Книга от создателя журнала «Мужской характер» рассказывает о неслучайной случайности его возникновения. Герои журнала — интересные собеседники, имеющие разные мировоззрения, политические взгляды, религиозную принадлежность, социальный статус. Всех объединяет одно — желание мирного гармоничного будущего своим детям. И понимание сложности времени, в котором мы живем.Автор обладает достаточной самоиронией, что без труда прочитывается в закадровых историях вокруг опубликованных в журнале интервью.

ISBN 978-5-44-744164-7

© Выхристюк З.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия 6
Правило – нарушение правил 10
Всегда есть что делить 11
«Благословили и помогли» 12
Зубную щетку – в другую руку! 15
«Золотой» – в мужество» 17
Владыка 21
В его духе не было лукавства 26
Сердце под прицелом 30
Велихов – из принципа 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Женский взгляд на мужской характер
Зоя Выхристюк

Не воспринимайте себя всерьез.
Никто этого не делает.
Регина Бретт

© Зоя Выхристюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Дорогой читатель!

Если вы, как и я, живете с убеждением, что «серьезное лицо – еще не признак ума», если вам, как и мне, безумно нравится мультфильм Гарри Бардина «Гадкий утенок», можете листать дальше. Приверженец тезиса: «Если ты такой умный, покажи свои деньги» эту книгу может отложить в сторону. Зачем мне провоцировать вас на такие отрицательные эмоции как раздражение или злорадство? Весомого и исчерпывающего для вас аргумента в виде внушающего уважение капитала я представить не могу. Ну вернетесь к этим страницам, если вдруг когда-нибудь ваша уверенность в нерушимости тезиса пошатнется. Но, упаси Бог, я этого вам не желаю ни в малейшей степени степени! Просто то, что вы держите в руках, – это достаточно рискованная попытка внести ясность: «Король-то голый!» Это я о себе. И не только – еще возможность провести уникальный тест, суть которого в сбросе материальной атрибуции статуса. «Эк, закрутила!» – скажет кто-нибудь. Поясню.

Много лет назад, когда мы жили в гораздо более скромной квартирке, чем сегодня, помогала я решать проблемы одному человеку, используя для этого мой интеллектуальный и организационный потенциал. Все получилось, он был в восторге, потому что сам до всех ходов и вариантов додуматься не мог. Мой рейтинг, весомость в его глазах были на уровне ограниченного во времени обожествления. Как-то документы нужно было привезти мне домой, чтобы избавить меня от лишних телодвижений. Он привез и занес папку в мое скромно обустроенное жилище. О, я никогда не забуду это удивительное зрелище! На его лице, как на экране, отражался весь легко прочитываемый ход мыслей в рамках все того же тезиса: «… покажи свои деньги». И, знаете, смешно говорить, характер моей уникальной помощи ему, которой всего минуту назад он цены не знал, буквально на глазах понизился до уровня чего-то обыденного. В моей жизни уже не раз было, что сброс статуса менял восприятие меня и соответственно отношение ко мне окружающих. Суть, значимость и вес в мире людей, особенно в наше время, принято подтверждать материально. И я нередко подпадаю под магию этой банальной, в общем-то, истины. Далека от совершенства! Но для личностно могучих и зрелых – это пройденный этап. Им не боюсь предъявить все изложенное на последующих страницах. А, собственно, другие-то меня и не интересуют.

«Если вас не устраивает положение дел, но вы с упорством, достойным лучшего применения, продолжаете совершать прежние действия, на какие перемены вы рассчитываете?» – спросила я себя и вот…

«Только в сексе важен процесс, а в работе – результат»

Вы часто ощущаете, что вас ведут по жизни – моделируют обстоятельства, ситуации, препятствия, наказывают и поощряют? И за всем этим – скрытая, не всегда понимаемая и принимаемая логика. А хочется предсказуемости! И чтобы открытия и приключения случались. Да еще понимания: кто я? Что я? Для чего я? Ну кто не думал об этом?

И что в результате? Мы имеем жизнь, в которой в очередной раз все множество вопросов обнажилось в ожидании ответа. А главный из них – что делать? Именно это настойчивое и почти болезненное желание и толкнуло наконец сесть и попытаться, излив все это на бумагу, хоть в чем-то разобраться.

Итак, что мы имеем? Возраст – за полтинник. Хотя говорят, внешне я лет на десять моложе, что соответствует и внутренним ощущениям. Правда, линия жизни на руке не дает возможности заглядывать еще на полвека вперед. Проштудировала основы хиромантии (конечно, пытаясь прочесть ответы на волнующие вопросы), так что иллюзий продолжительности до бесконечности у меня нет. Я в благополучном браке. По крайней мере, так оценивают это обстоятельство окружающие. У меня сын двадцати с небольшим, нескучный мальчик.

Наконец, я живу в России начала века, да еще и на Кавказе, что само по себе обязывает. Я – редактор журнала «Мужской характер». А вот с этого места поподробнее.

Вы замечали, что дело, которым занимается человек, становится как бы его этикеткой в мире людей? Оно может занимать, требовать максимальной отдачи душевных сил, быть его благословением и проклятием. Причем одномоментно. Так примерно и с журналом. Он был инструментом моего общения с внешним миром, способом самовыражения, в определенном смысле, миссией. А сегодня стал неподъемным чемоданом без ручки – и нести тяжело и бросить жалко. Может, я не заметила, как он глобально, сущностно стал больше меня самой, и это я думала, что он – мой инструмент. А на самом деле оказалась манипулируемым одушевленным объектом в его собственности? Не знаю. Но сегодня он меня переиграл определенно. А переиграв, сам оказался загнанным в угол: он есть, но его как бы и нет. То есть сегодня он есть как результат в виде двадцати четырех выпусков, с очевидным прогрессом, в росте тиража от тысячи экземпляров до десяти тысяч, с увеличением объема от сорока четырех страниц до двухсот пятидесяти двух, с продвижением в регионе и столицах. Он есть как товарный знак мой в ипостаси главного редактора приличного издания, широко известного в узких кругах. Шутка! Хотя недалека от истины. Но в перспективе, как она видится сегодня, он есть всего лишь процесс. Наша известная журналистка Лариса Яковенко молодым коллегам имеет обыкновение говорить: «Только в сексе важен процесс, а в работе – результат». Так вот я, исходя из этого, главный редактор не журнала, а процесса, потому что это еще бабушка надвое сказала, увидит ли очередной номер свет, уж больно много препятствий на этом пути.

А начиналось все с того, что на очередном витке жизни в поиске ответа на вопрос «Что делать?» несколько лет назад меня вынесло на человека околоспортивных кругов, мечтавшего об известности, деньгах и издании мужского спортивного журнала «О, спорт, ты – мир». С брутально сильными мужскими телами и прекрасными в своей длинноногости девушками-моделями… Небольшой опыт работы в профессиональной журналистике у меня был. Практика авторского сотрудничества с прессой насчитывала несколько лет, когда я была секретарем горкома комсомола и в горисполкоме руководила отделом культуры. А это в общей сложности ни много ни мало десять лет жизни… Но, главное, при наличии ресурса я все могу организовать. Муж однажды пошутил: «Моя жена, как Чубайс, может работать в любой сфере». Ну что делать, я, действительно, могу раскладывать на составляющие проблемы разной степени сложности, мотивировать людей к исполнению, могу управлять этим, прочувствовать наиболее уязвимые места в организационной конструкции какого-нибудь социального процесса. Школу комсомола, а потом советской работы в такой сфере, как культура, с ее праздниками, речевками, массовками никуда не денешь. Жаль, что людей, кто знает о том, что я могу, становится все меньше. Нет, слава Богу, не физически меньше, а меньше на уровне раздачи хорошо финансово оплачиваемых функций. Если, конечно, я бы согласилась сегодня выставить себя как товар на рынок труда…

Вперед по бездорожью!

В общем, имея небогатые представления о профессиональной журналистике, заручившись гарантией решения финансовой стороны дела инициатора этого проекта, я двинулась в авантюру создания мужского журнала. Надо отдать должное, я не была совершенно безумна, потому что рассчитывала на помощь мужа, талантливого журналиста. И креативный мозг уже упоминавшейся выше Ларисы Яковенко. Она в то время редактировала первый независимый городской журнал «Деловой квартал Кавминвод». Да и само название журнала придумала Лариса, она же подготовила несколько материалов в первый номер. И она же решила, что редактором должна быть официально я. Совмещать пост главредов двух изданий в одном городе она не может. А потом выяснилось, что и финансово инициатор издания его тянуть не в состоянии, и Лариса сняла с себя свои полномочия. За креатив с названием Ларисе – особое спасибо.

Но, возвращаясь к началу, а это точка, когда я по-настоящему осталась наедине с журналом, я хотела одного – не оказаться несостоятельным человеком и «сдуться» на первых же шагах. Да! И мне хотелось вернуться в круг людей, из которого я выпала в силу того, что, родив в тридцать три года сына с проблемным здоровьем, потребовавшим моего полного выключения из жизни лет эдак на двенадцать, я пропустила (а может, Господь меня пожалел?) период активного накопления капитала. В девяностые кто мог, сделал деньги из воздуха, и, соответственно, оказался у руля. В их число попали правильные и неправильные «пацаны», с которыми работала в комсомоле, и витально сильные люди, прошедшие криминал или околокриминальные разборки в борьбе за место под солнцем.

Связи и рубль стали определять практически все, они же давали ощущение или иллюзию защищенности. Вернуться в круг людей уровня принятия решений, не имея денежного довольствия, и сохранить возможность общаться на равных даже в ограниченном спектре позволяет статус главного редактора журнала. И я вернулась. Это потом я поняла, что большинство стремится во власть или ближе к ней для решения проблем своего бизнеса – для его страховки и развития. Но страховать мне было нечего, а журнал бизнесом сделать мне не удалось, а может, не захотелось. Но это потом, а тогда я стала обладательницей инструмента, который нещадно преобразовывал меня, мои представления о жизни и о себе любимой.

Финансы не позволяли сделать того, что несложно жене олигарха, – пригласить наиболее профессиональных людей журналистской сферы на постоянную работу, создать команду, работающую исключительно или преимущественно на журнал. Журналистский хлеб труден и невысоко оплачивается, так что работают журналисты, как правило, в нескольких местах, да и настоящих профессионалов можно сосчитать по пальцам. Но муж мой вовсе не олигарх. Добавлю, что опыта брать интервью, подготовить материал к публикации у меня не было ни малейшего. Компьютером я вообще не владела даже как примитивный юзер. Более того, благодаря отношению к моим способностям со стороны мужа и сына, я свято уверовала в свой технический кретинизм и с ним смирилась. Так что шарахаться от клавиатуры перестала буквально год с небольшим, и то благодаря каким-то совершенно непонятным и загадочным усилиям моего коуча, смотивировавшего меня на это и буквально перетащившего из века прошлого в век нынешний.

Мой муж однажды произнес фразу: «Какое наказание – вокруг одни сумасшедшие» (применительно ко мне, конечно) и с тихим ужасом наблюдал, как я буду делать журнал. У него к этому времени был уже за плечами опыт работы в качестве заместителя главного редактора городской газеты, а сам он трудился в PR-службе одной энергетической компании. В его представлении, что я, имея в руках диктофон, сомнительного бизнес-партнера при полном отсутствии финансового ресурса могу поднять это дело, такой исход не укладывался. Он, Лариса, а потом и Лена Куджева (самый верный Санчо Панса в моей редакторской жизни) рассказывали мне все эти годы, как правильно делать и продвигать журнал. Из всего только один вывод – слушать нужно всех, а делать, как считаешь нужным. Неправильные вещи иногда оказываются наиболее результативными. Короче, постигать многое мне приходилось на ходу.

Помню, нужно было ехать на первое интервью с Владыкой Феофаном. Он накануне получил назначение епископом Ставропольской и Владикавказской епархии, был с визитом в Карачаево-Черкесии, в Черкесске намечалась пресс-конференция, и мне обещали возможность вне ее рамок задать некоторые вопросы. Говорю мужу, так легко, невзначай: «Геночка, составь вопросы интервью». И получаю категорический отказ: когда есть вопросы, брать интервью может практически любой. Пришлось садиться и потеть! Да, над вопросами первых интервью мне реально приходилось потеть! Хорошо, что мне всегда были интересны люди, умные собеседники, и они любили общаться со мной. Без этого за журнал немыслимо было бы браться изначально. Но с первым интервью с Владыкой я вообще хлебнула, мама, не горюй! Для подстраховки я взяла у Гени кроме моего пленочного диктофона его цифровой. Меня отвозил

в Черкесск знакомый, он взял фотоаппарат, чтобы сделать фото с Владыкой. Хорошо, что на пресс-конференции я обменялась контактами с коллегами-журналистами.

Когда вернулась домой, выяснилось, что ни на одном из диктофонов записи нет – мой пленочный, иногда барахливший, взбрыкнул и на этот раз, а Геня, научив меня нажимать одну кнопочку, не проверил – в его диктофоне была перегружена память. Фото тоже не получились.

Вы можете оценить весь ужас моего положения? От пули в висок, образно говоря, меня спасло то, что коллеги-журналисты сбросили материалы пресс-конференции. А с той частью, когда мы с Владыкой общались один на один, пришлось поступать, как Геня велел: садиться, вспоминать по свежим следам и писать. Интервью получилось, по-моему, хорошее. «Южный репортер», окружное издание, пиратски перепечатал его слово в слово.

Геня помогал, регулярно правил мои опусы, но и «макал» меня по самые уши. Чувство слова, формы, стиля у него отменные, он эрудирован, грамотен, классный редактор и журналист. С юмором. Нетрудно догадаться, что журнал, в существовании которого я была кровно заинтересована, стал его своеобразным козырем в отношении со мной – эдакий момент семейного шантажа. А уж по моей гордыне Геня проходился немилосердно! Но так, вероятно, и надо было.

Правило – нарушение правил

Зато мои организаторские способности помогли наладить журналистский конвейер совершенно не по классическому образцу: я, как правило, составляла вопросы, Геня чистил их содержательно и стилистически, Жанна Рябыш делала буквальную расшифровку, часто резвясь и оставляя все наши слова-паразиты. Читать стенограмму иногда было просто невозможно! Геня часто диву давался, как еще со мной люди разговаривают и что-то умное говорят. Формулирую я и до сих пор так, что и сама слушать запись не могу. Потом кто-то из журналистов «причесывал» текст, структурировал материал, отсекал лишнее. Лучше всего эта технически-творческая работа получалась у Гени. Она требует высокой квалификации, усилий, не сильно вдохновляет и не стимулирует самолюбие – у журналиста нет ни личной радости от общения с собеседником, ни авторской удовлетворенности увидеть свое имя в журнале. Это, как правило, работа бойцов невидимого фронта, как это я называла. И поскольку, в основном, я встречалась с людьми, особенно статусными, получалось, что профессионализм и квалификация «бойцов» работала исключительно на мой личный журналистский имидж. Сказать, что это не вызывало противодействия и ропота в среде моих коллег, не могу. Но бунты кроваво подавлялись! Человеку статусному, особенно, если в журнал он вкладывает свой рубль, не объяснишь, что общался он с тобой, а в авторстве стоит целый коллектив. Так что даже когда нет возможности делить деньги, всегда есть то, что может рассорить. В творческой среде это особенно остро ощутимо, потому что и денежный эквивалент не всегда помогает договориться с самолюбием. Порой случалось, что над одним текстом работали несколько человек, какие-то варианты просто выбрасывались в корзину, в какихто ситуациях только в ноги к Гене – он единственный может сделать быстро и качественно.

Если честно, то я сегодня не вполне понимаю, как умудрялась все это делать, не умея самостоятельно даже включать компьютер! За эти годы я научилась, конечно, многому, но далеко не всему, что могут мои коллеги. И до сих пор я не упущу возможность делегировать другому все, что возможно, потому что мне всегда найдется чем заняться. К примеру, сейчас, когда все замерло в ожидании моего нового взгляда на ситуацию – сегодняшний не внушает оптимизма – и делаю я только то, что осмысливаю время, место и себя, делать что-то ради процесса все равно не буду. И все же творчески как журналист я постепенно выросла, потому что мозг и нерв журнала, не умаляя заслуг тех, кто работал рядом все эти годы, всегда были мои. Мне отец Силуан (Царство ему Небесное!), наместник Второ-Афонского СвятоУспенского мужского монастыря, что на горе Бештау рядом с Пятигорском, с которым мы были дружны, нередко говорил: «Я читаю статьи, практически все, и заметил, что меня часто интересует даже не столько то, что ответил вам собеседник, сколько ваш вопрос и ваши реплики по ходу». Это для меня высокая оценка, уж он-то был человеком очень образованным и умным. Ну а лучше меня то, что я называю «пришлепками», то есть врезы в статьи и интервью, никто не делает. Я давно поняла, что люди часто платят деньги, дарят респект всего за одну фразу. Ее очень важно найти и прочувствовать – это должна быть оценка, причем лучших качеств человека, но без лести. Чтобы сам человек расчувствовался, как знать, может быть, и до слез, а окружающим при этом смешно не было. Это научило меня прислушиваться и приглядываться внимательнее к людям. Иногда мне кажется, что журнал – это зеркало, и я всего лишь держу раму, в которой отражается какая-то часть реальности. А кто из нас хочет в зеркале увидеть свое не самое лучшее выражение лица? Мы же хотим себя видеть красивыми!

Всегда есть что делить

Лариса Яковенко познакомила меня с Юрием Александровичем Логачевым, обожаемым Юрсаном, который в то время работал на полиграфическом предприятии. Вообще-то он – классный дизайнер и педагог дизайна. Как и многим, ему приходится пахать день и ночь, чтобы заработать на хлеб насущный. Юрсан – редкий профессионал, с хорошим вкусом, с чувством времени, молодой по мировосприятию и вечно развивающийся. Он многому научил меня за долгие часы бдения рядом с ним у компьютера в его «скворечнике» (его мастерская находится в мансарде): пониманию культуры и качества верстки, важности пропорций в заполнении страницы – текстовое поле и «воздух», выбор шрифта и мелких деталей. Он показывал мне журналы мировых брендов, дизайнерские штучки, словом, много чего, чтобы хоть как-то развить мой вкус и представление, что такое приличная полиграфия. Верстка, внесение корректуры, обработка фото (это – традиционно самое узкое место в проекте, чаще всего приходится использовать то, что предоставлено: возможности провести фотосессию нет), наконец, создание макета номера – это все делает Юрсан. За прошедшие годы мы менялись, причем делали это неоднократно. Это легко увидеть, если сравнить наш первый номер и «крайний». Мы уже много лет используем терминологию летчиков, обозначая свежий номер журнала, какой бы степени свежести он по факту ни был. Просто все, кто трудится над его созданием, наши читатели и почитатели, хотят продолжения: журнал стал важной краской в их личной жизни тоже. Хотя в силу парадоксальности мышления иногда вижу некоторые обстоятельства под иным углом зрения. Мне кажется, что и моя команда вместе с недоброжелателями (а как у нас без них?) периодически застывают в ожидании конца. Конца чего? Истории журнала? Или конца моего статуса главного редактора? Скорее – последнее. Синдром «бойцов невидимого фронта». Невидимых или слабо различимых за моей главредской спиной. Если честно, я их всех безмерно обожаю, но все мы – люди. Могу кого-нибудь незаслуженно обидеть? Возможно, но и смягчать не хочу – не для того я села изложить все это в тексте, чтобы юлить и демонстрировать политес.

«Благословили и помогли»

Медитировать, читать книги, мобилизующие волю в направлении достижения целей, преодоления своих страхов и комплексов, меня тоже заставил журнал – в невозможности его провала как моего личного проекта. Первая книга, которая помогала на этом пути, – «Достижение максимума» Брайана Трейси. Когда в осознанном возрасте ты начинаешь задумываться над своими желаниями и истинными целями, опыт, методология, апробированные и систематизированные кем-то, могут оказаться весьма полезными. Особенно тогда, когда кажется, что все – против. А таких ситуаций было море!

Журнал мыслился изначально как инструмент влияния на структуры власти. И для этого самым реальным было начать писать о людях, через которых она и реализуется. Но в далеком 2002 году власть не ругал только ленивый. Уровень агрессии в обществе нарастал, народ на ситуацию повлиять не мог. (Да и сегодня разве что-то изменилось кардинально?) Московский тусовочный гламур полез не только с телеэкрана, страниц глянцевых СМИ, но практически стал определять характер нашей российской действительности, формировать идеалы. Территория внутри МКАД жила по своим политически-светским законам, а вся остальная страна пребывала в иной реальности, нередко пытаясь провинциально продублировать светскость. Хотелось сделать издание провинциально-российское в лучшем смысле этого слова – не взывающее к выходу на баррикады, но возвращающее к очеловеченным ценностям. Причем сделать в достойном полиграфическом исполнении! Путь один – говорить с теми, кто властно или финансово оказался «на кочке», о корнях, истинных жизненных ценностях, о старте, с которого начинали, о цене успеха… Под каким бы то ни было соусом. В первый номер журнала, который по началу мы позиционировали как спортивно-патриотический, возникла мысль на второй, форзацной странице опубликовать приветственное слово губернатора Ставропольского края. Все логично: он – первое лицо региона. Это хорошо, солидно и правильно, но, вероятно, непросто сделать изданию, которое, в сущности, еще только проект.

Но тогдашний губернатор Александр Черногоров, как и я, был в прошлом комсомольским работником, команда его состояла из людей той же когорты. И он сам, и большинство из них мне были в большей или меньшей степени знакомы. Текст обращения придумали, забросили через Аллу Золотухину, курирующего секретаря крайкома комсомола в мою бытность секретарем Пятигорского горкома ВЛКСМ. На тот момент она работала заместителем председателя правительства края. Алла Федоровна содействие оказала, но сопроводила это «заботливым» назиданием, какой должен быть журнал, озабоченностью, достаточно ли моей квалификации, понимаю ли я всю степень ответственности и сложности дела, за которое берусь. Словом, в духе партийно-идеологического контроля старшего по должности товарища, в деталях «знающего» специфику производства масс-медиа. Почти заказчика, профинансировавшего проект. Губернатор, увидев новый, родившийся в крае журнал, волновался только по одному поводу – достаточно ли он хорош на фото, на фоне голубых елей. Наивная, я ожидала совершенно иной реакции. Без бюджетного финансирования возникло издание негламурной направленности. Здорово! Это очень в стиле своеобразного Александра Леонидовича. Хотя разве только его? Валерий Гаевский, следующий губернатор края, увидев макет обложки со своим фото, просто был обескуражен и недоволен. Скажу честно, мы выбрали лучшее из всех представленных. И на нем он, действительно, по-мужски хорош – харизматичен, с подтекстом, вторым планом. Женщины позже, после выхода журнала, назвали его секс-символом! Но себя-то он видел по-другому! Может быть, потому в других изданиях «гламурили» под светскость. И это в хлеборобном, сельскохозяйственном Ставрополье!

Финансово издание со стороны правительства края за все годы его существования не поддержали ни единым рублем: Черногоров кивал, обещал, но не помог, Гаевский не дал возмож-

ности попросить об этом. А может быть, я сама виновата – надо писать челобитные! Может быть… В свое время министр финансов края Татьяна Погорелова при формально дружелюбном отношении развела руками (это ее очень красивый и характерный жест) и ни малейшей возможности выделить копейку из бюджетных, внебюджетных или иных средств не усмотрела. И вообще, помощь со стороны «губернии» сводилась только к тому, что не мешали, периодически читали или листали.

Но справедливости ради надо сказать и об исключениях. Два человека заслуживают моего особого респекта – это Марина Дмитриевна Корнилова, талантливый журналист, умнейшая женщина, тогда она была в статусе руководителя комитета по печати при правительстве Ставропольского края, и Иван Михайлович Зубенко, руководитель краевой организации Союза журналистов России. Первая подсказала, что для независимых СМИ существуют субсидии в федеральном Министерстве по печати и массовым коммуникациям – небольшие, но всетаки деньги. А второй (Царство ему Небесное!), видя качество издания, которое ему нравилось, настоял на журналистской премии мне как создателю «Мужского характера». Без подкрепления денежным бонусом – ну нет в крае денег для поощрения труда журналистов! Быть лауреатом премии имени Германа Лопатина Ставропольской краевой организации Союза журналистов России в нашей журналистской среде престижно. Правда, престиж тоже становится товаром. Хотелось бы ошибаться… Но это – уже отступление от хаотичной линии повествования. Чтобы уж вернуться на его «столбовую дорогу», завершу с фрагментом «Губернатор на обложке». Показала макет Николаю Пальцеву, тогда еще мэру Ставрополя, но, что главное в этой ситуации, бывшему первому секретарю крайкома комсомола, при котором я была секретарем и вторым секретарем Пятигорского горкома комсомола, а Валерий Вениаминович – первым железноводского. «Как вам?» – спрашиваю. – «Отлично! Хороший портрет!» – «Ну тогда окажите влияние на своего воспитанника. Мой дизайнер обложку дежурным фото портить не позволит». Мы сделали, как посчитали нужным. А говорил ли Пальцев с губернатором, судить не берусь, не знаю. Но слов благодарности, что поработали на имидж края и его руководителя, а тем более копейки на развитие издания не отвалилось. Это только поначалу я злилась, когда слышала, какие непомерные суммы краевое правительство проплачивает федеральным СМИ и телеканалам. А сейчас я говорю: «Молодцы, ребята, разводите их на деньги! И подороже! За себя и за того парня!»

Невозможность пути к отступлению невольно «поддержал» комсомольский друг Владимир Михин, бывший заворг горкома комсомола, руководитель налоговой инспекции города. Он на общественных началах, на правах главы структуры, кое-что определяющей в направлении городских денежных потоков, тогда курировал футбольный клуб, поддерживал возрождение профессиональной команды в Пятигорске. С его подачи мы потом несколько лет спустя писали об этом. Но тогда, почти десять лет назад, я пришла к нему с предложением организационно включиться в проект создания журнала. Он опять же «оптимистично», в стиле комсомольских друзей сказал, что из этого ничего не получится, за это браться не стоит. Не скажу, что настроение у меня после визита к нему улучшилось. Однако годы спустя я ему благодарна – он меня подстегнул, как пришпоривают коня на скаку. Правда, это был не последний фрагмент в его взаимоотношениях с «Мужским характером». Жизнь через годы сделала забавный круг. Его краевой руководитель стал героем публикации журнала, проникся к нему симпатией, пообещал поддержать материально и дал поручение… Михину, как я ни просила его обозначить какое-нибудь другое лицо. Это потом, через пару месяцев, когда он был отозван на работу в центральный аппарат Министерства по налогам и сборам, я оценила тонкое иезуитство: он знал, что мы с Михиным дружны, и знал, что удовольствие от выполнения этого поручения Вовочка уж точно не получит. Хорошо, что это нас не рассорило, хотя такая опасность была.

Список тех, в ком я не встретила поддержки, впечатляет. Словом, чтобы не вдаваться в детали и не мельчить, скажу, что все мои предполагаемые союзники отпали. Мне приходилось

достаточно часто слышать «нет», пытаться встречать его без обид и научиться говорить о деньгах. И первое и второе поддается освоению достаточно сложно. Спасает только чувство юмора, но для этого нужно быть воодушевленным, в кураже, а это не всегда бывало. Мне знакомо это ощущение «холодца» в области манипуры, когда ты уже почти наверняка знаешь исход разговора не в свою пользу, но все равно не уклоняешься. Я знала, что надо перепрограммировать мозг, прочитала методологию, составила аффирмацию, долдонила ее каждое утро… Азартные игры приносят победу только в состоянии легкости, отсутствии напряжения. А журнал был моей азартной игрой. И я довольно быстро поняла, что очень важно научиться расслаблять тело и успокаивать ум. Но уже прошли годы, а похвастаться, что с этой задачкой я справилась идеально, не могу. Но надежды не оставляю.

Перебирая, «перепроживая» вольно или невольно все прошедшие ситуации и, что скрывать, нередко и обиды, я сегодня вдруг поняла, как по-прежнему велика во мне гордыня, как мало благодарности Всевышнему, что меня на этом пути не оставил. Как высок уровень притязаний и внутренних требований к моим спутникам по воплощению: хочу, чтобы играли в мои игры и по моим правилам. Каюсь, далека от совершенства! И благодарю Тебя, Господи, за поддержку моей жизненной игры в журнал! Это, по-видимому, мое самое увлекательное приключение!

Зубную щетку – в другую руку!

Одним из мотивирующих людей, сама, вероятно, того не предполагая, оказалась моя воспитанница по комсомолу, ныне директор одной из школ Ставрополя Елена Букша. Когда она была еще Кащаевой, недавней выпускницей одного со мной института иностранных языков, ее рекомендовал на работу Иван Иванович Никишин, заведующий отделом горкома партии, который курировал горком комсомола. Да упокоится его душа с миром! Если я правильно поняла, у Лены с Никишиным были общие друзья. Барышня она оказалась умная, симпатичная. Сначала работала в сельскохозяйственном техникуме освобожденным секретарем комитета комсомола, а потом – инструктором школьного отдела горкома ВЛКСМ, т. е. под моим непосредственным руководством. Прошло много лет, и я была приятно удивлена, когда услышала признание: всему, что она может в работе, она научилась у меня. Это радует. После Пятигорска в судьбе Лены был крайком комсомола, брак с комсомольским работником, преподавательская работа, пост директора школы. Как-то, занимаясь уже журналом, я была по делу в Ставрополе. Мне интересно было увидеть мою «воспитанницу» в ипостаси директора школы, в которой она мне откровенно понравилась. Собственно, именно тогда она и сделала столь поразившее меня признание. Она сказала, что всего две женщины восхищают ее уровнем своих возможностей и потенциалом – я и Людмила Редько, ректор Ставропольского педагогического института, депутат думы Ставропольского края и, как я ее называла с определенных пор, «любимая женщина» Владыки Феофана. Но, как сказала Лена, Людмила Леонидовна достигла большего – из «убитого» педагогического училища она сделала приличный институт, стала достаточно обеспеченным человеком, общается со светилами российского уровня, фигура заметная, яркая.

Этот разговор у нас состоялся примерно десять лет назад. Рада, что устами Лены мне был выставлен именно такой ориентир. Ведь еще в комсомольской юности я с восхищением недосягаемости смотрела на заведующую отделом студенческой молодежи крайкома ВЛКСМ Людмилу Редько, когда только стартовала в Пятигорском горкоме комсомола. Всегда уверенная в себе, в окружении молодых людей, готовых в огонь и воду, будь на то ее воля. Красивая, стильная, с прекрасно поставленной речью. Она относится к категории женщин-повелительниц. Злые языки утверждали, что услуги эскорт-сопровождения высоких лиц из ЦК КПСС, которые приезжали на Ставрополье, выполняли молодые кадры из комсомола. Это обеспечивало карьерный рост. Мастером приема высоких гостей был Виктор Алексеевич Казначеев (Царство ему Небесное!) в ипостаси второго секретаря крайкома партии, в ту пору красавец, любитель женщин и их покровитель. Когда требовалась изысканность и интеллект, вперед выдвигалась Людмила Редько.

Но секса, как известно, в СССР не было!

Женской уверенности и раскованности комсомольские годы мне не прибавили. События по поляковскому нашумевшему шедевру «ЧП районного масштаба» меня обошли стороной. Я, по-моему, так и оставалась правильной девочкой-отличницей (это не физиологическая характеристика), ответственно относящейся к порученной работе. Иван Иванович Никишин сделал меня «невыездной» на пленумы крайкома комсомола, где совместное проживание в одной гостинице, веселая удаль молодости приводили к неформальности, остающейся за кадром. Я тогда очень злилась на него, а сейчас даже этому рада – ни один из этапов моих карьерных перемещений не был обусловлен услугами определенного свойства.

Мое секретарство в горкоме комсомола вовсе не было безоблачным и карьерным, материальными благами не изобиловало. К примеру, Никишин устроил нагоняй Геннадию Зайцеву, первому секретарю Пятигорского горкома, когда тот для меня через первого секретаря горкома партии договорился о комнате в малосемейном общежитии. До этого я, проработав

полтора года секретарем горкома комсомола, жила чуть ли не полулегально в студенческом общежитии. Да и мой прием в партию тоже «придерживали». А партийная принадлежность определяла карьерный рост. Секретари горкома комсомола считались партийными кадрами, а я была принята кандидатом в члены КПСС спустя полтора года работы секретарем в горкоме комсомола. Отдельную же квартиру я получила только на выходе из комсомола: уже будучи замужем и согласившись пойти на работу в горисполком.

Да и вообще в горком я попала достаточно случайно, хотя случайностей в жизни не бывает. К моменту распределения после учебы в педагогическом институте иностранных языков, получив «красный» диплом, а с ним и свободное распределение, я должна была преподавать немецкий язык в родной средней школе №9 города Черкесска. Моя ближайшая подруга работала в это время в Пятигорском горкоме комсомола заведующей сектором учета. В школьном отделе случилось ЧП – обе сотрудницы, и секретарь и инструктор, ушли в декрет. И, несмотря на «простыни» списков резерва кадров на выдвижение, подходящей кандидатуры не находилось. А я всегда была активной – секретарем курсовой организации, председателем совета общежития, комиссаром студенческого отряда, зимней и летней смены в спортивном лагере «Дамхурц»… Сделали «вброс» моей кандидатуры. Иван Сергеевич Болдырев, первый секретарь горкома партии, ждал выхода из декретного отпуска Натальи Шекуровой. Меня он вообще не воспринимал, видеть не желал, и поэтому я достаточно долго была в подвешенном состоянии: справлюсь – удержусь в статусе, не справлюсь – пойду работать пионервожатой в школу. Наталья на работу в горком комсомола не вышла, а я, очевидно, справилась, потому что проработала в горкоме комсомола секретарем и вторым секретарем в общей сложности шесть лет. Но это все было задолго до журнала…

И вот на витке жизни, когда «Мужской характер» стал моей главной игрой, именно Людмила Леонидовна была выдвинута мне провидением в качестве маяка. И это при том, что я совершенно не обладаю ее оружием! Ведь мне только недавно стало понятно, что даже и не секс, а флирт определяет готовность оказать помощь женщине в ее деле. Особенно со стороны мужчин в возрасте, когда, как любит шутить один комсомольский же друг, отказ женщины воспринимаешь с большей радостью, чем ее согласие. Словом, наступил момент, когда мне надо было лепить из ничего мою уверенность в себе и входить в мужской мир. Опять же помог Брайан Трейси. Он утверждает, что, если вы жаждете нарастить палитру своих возможностей, то вам каждый день нужно делать что-то такое, чего вы не делали никогда раньше. К примеру, если анализ в конце дня не выдает ничего из этого ряда, возьмите хоть зубную щетку в другую руку! А еще нужно абсолютно осознанно и добровольно выбрасывать себя из зоны комфорта, чтобы выбраться из наезженной колеи. И сейчас я это делаю, правда, несколько ленивее и реже. Были периоды, когда я гораздо спокойнее (хотя это вряд ли спокойствием назовешь) и последовательнее шла по жизни по Брайану Трейси. Помогала при этом комсомольская выучка (все-таки комсомол много дал мне в жизни!) – почти полное бесстрашие перед закрытыми дверьми и отсутствие раболепия перед властями предержащими. Не знаю, кто что вынес из комсомола, а я – свидетельство о браке и именно такой подход к жизни.

Перепрограммируя мозг, занявшись журналом, я познакомилась со многими интересными и достойными людьми. Но обрести многочисленную плеяду мужчин, всегда готовых прыгнуть ради меня и моего дела в огонь и воду, мне не удалось. А сколько сил было потрачено на визуализацию образов! Хотя журнал есть, а это значит, не все так плохо!

«Золотой» – в мужество»

Валерий Альбертович Хнычев, директор ОАО «Пятигорские электрические сети», както сказал, что серьезные состоятельные люди должны ко мне обращаться с единственным вопросом: «Чем помочь?» Это, как он добавил, если судить по уровню журнала. Жду с нетерпением, Валерий Альбертович, они, должно быть, на подходе. Пока. А вот ему самому, настоящему энергетику, сибиряку по рождению, человеку очень взыскательному, непростому, с настоящим мужским характером, я очень благодарна. Есть люди, которые держат и определяют уровень – работы, общения, которые побуждают стать в чем-то лучше. Для меня Хнычев – из их числа.

Валерий Альбертович – это человек, для которого сфера энергетики стала не просто профессией, она – существенная, а может, и главная часть его жизни. Он, руководитель городского коммунального предприятия, каких в стране сотни, известен истинным профессионалам, настоящим «генералам» от энергетики. Оппонент самого Чубайса по вопросам реформирования, который, в отличие от многих, высказывал свою позицию публично, в региональных и центральных СМИ. Хотя в центральную прессу, кроме исключительно профессиональных журналов, ему так прорваться и не удалось. Как он неоднократно утверждал (а я ему верю, потому что уж эту тему он отслеживал с особой внимательностью), обсуждения альтернативных точек зрения по реформированию этой сферы практически не было. С вескими аргументами, фактами и цифрами. Оппонировал он, «генетический» энергетик. Да и кому, болеющему за отрасль, и оппонировать на таком уровне, если не Хнычеву – заслуженному энергетику РФ, почетному работнику ЖКХ, доктору экономических наук, почетному члену ряда общественных академий? Не имея возможности достучаться до уровня принятия решений, он написал и издал книгу, которую потом разослал во все высшие учебные заведения страны, где готовят профессионалов этой сферы.

Валерий Хнычев окончил Новосибирский электротехнический институт. В течение пятнадцати лет занимался монтажом и наладкой строящихся электростанций на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии, Монголии и Корее. Работал на Ставропольской ГРЭС, принимал участие в строительстве и пуске первого энергоблока. Трудился в системе РЭУ «Ставропольэнерго» в Новотроицких и Светлоградских электросетях. А с 1979 года – бессменный руководитель нынешнего предприятия. Общий стаж работы в энергетике – полвека!

В жизни Валерия Альбертовича были те же вехи, что и у многих из его поколения шестидесятников, – школа, вуз, романтика больших строек. Настоящее понимание энергетики сложилось после института, когда довелось работать на больших энергетических стройках, самостоятельно решая сложнейшие организационные и технические задачи, не рассчитывая на помощь покровителя.

Специализированное управление по наладке электротехнического оборудования начиналось с восьми наладчиков, одним из которых был он, молодой специалист, выпускник новосибирского вуза. Так уж получилось, что на начальном, организационном этапе с ним рядом не оказалось профессионалов, асов своего дела, на знания и опыт которых можно было положиться. Практически отсутствовала специальная литература по наладке сложнейшего энергетического оборудования. Приходилось опираться только на скупые заводские паспорта и инструкции. Из них узнавал, как «ввести» оборудование, какое оно имеет характеристики, как оно должно правильно и надежно работать. Остальное приходилось додумывать, применяя знания теоретических основ электротехники. Персонал же строящейся станции целиком полагался на наладчиков.

Со временем управление выросло до 1200 наладчиков, специалистов с высшим образованием, которые вели огромный объем работ по всему Зауралью, вводили все энергетические объекты: писали программы и испытывали энергоблоки и целые станции.

– Объемы были дикие, работали часто целыми сутками. Уставали настолько, что засыпали на работе на два-три часа, а потом – опять на площадку, – вспоминает Валерий Альбертович.

На крупных стройках одновременно работало от 10 до 15 тысяч человек из 15—20 организаций разной подчиненности. Кроме того, присылали своих специалистов шеф-монтажные организации, заводы-изготовители. Проектные организации по ходу стройки вносили изменения в документацию. Инициатором этих изменений и организатором доводки всех проектов были наладчики – люди, которые должны были запустить оборудование. Потому и требовали они от монтажников, проектировщиков, строителей, чтобы качество их работы не поставило под сомнение достижение конечного результата – ввод оборудования в работу. Для этого приходилось по ходу, не останавливая стройку, решать очень много сложнейших вопросов.

В таком режиме прошло 15 лет. А закончил он работу в этом управлении в должности главного инженера.

На строительстве Ставропольской ГРЭС, куда Валерий Альбертович переехал из Сибири (из-за здоровья детей нужно было менять место жительства), он уже выступал в совершенно другом амплуа – работал монтажником. И здесь пришлось столкнуться совсем с другими проблемами. Строительные организации должны были сдать площадки под монтаж, но пытались правдами и неправдами уйти с них, не доведя до кондиции. Начал прорабом КИПиА, а потом в течение 8 месяцев стал сначала старшим прорабом, а потом начальником участка, который проводил все работы КИПиА и электрической части по всему большому хозяйству Ставропольской ГРЭС. И с этой задачей достойно справился.

В Пятигорск он попал в то время, когда все вопросы назначения руководителя предприятия согласовывались с первым секретарем горкома КПСС. Тогда в этой должности был крутой и требовательный человек Иван Сергеевич Болдырев. Ознакомился с послужным списком Хнычева – а там участие в возведении 43 (!) крупных объектов большой энергетики. «Поработаем, – сказал секретарь, – нам нужны такие специалисты». А спустя два года, когда от будущего первого министра энергетики России Анатолия Федоровича Дьякова поступило предложение о назначении Хнычева на крупную должность в РЭУ «Ставропольэнерго», тот же Иван Сергеевич Болдырев сказал: «Из города Хнычева никуда не отдам». И, как нередко бывает, полученное от жизни «нет» через годы обернулось своей счастливой противоположностью. Валерий Альбертович признает: в чиновничьей системе не удержался бы, потому что молчать не может, не умеет.

Зато, когда Госстрой России стал проводить конкурсы среди коммунальных предприятий, «хозяйство» Хнычева не один год завоевывало первенство.

Оказавшись после многих лет работы в «большой» энергетике в сфере энергетики коммунальной, «малой», Валерий Альбертович поначалу представлял, что его опыт и квалификация востребованы не будут.

Началась перестройка. Сегодня мы знаем, что это было не только время созидания нового, но и крушения устоявшихся связей, экономических отношений, принципов хозяйствования. И перед лицом безденежья, постоянной угрозы банкротства коммунальным энергетикам Пятигорска удалось выстоять. Пятигорские электрические сети не только выжили, но вышли за эти годы на новый уровень качества. А потом наступил следующий этап борьбы за экономическую независимость и оптимальную выживаемость – выход на Федеральный оптовый рынок электроэнергии и мощности (ФОРЭМ), чтобы покупать электроэнергию, минуя АО-энерго. С 2000 года для Пятигорских электрических сетей это стало возможным. Предприятие стало равноправным участником на оптовом рынке электроэнергии. Специалисты знают,

что для этого должна была быть осуществлена маленькая техническая революция в масштабах одного предприятия. Маленькая, с точки зрения нашей гигантской страны, и грандиозная по своей технической и экономической сути, если мыслить категориями одного предприятия. Только руководителю масштаба личности, как Хнычев, с его гроссмейстерским умом, опытом предыдущей работы в большой энергетике и глубоким знанием людей оказалась по силам задача такой степени сложности. Решение о выходе предприятия на ФОРЭМ принималось на уровне федерального правительства. Во всяком случае, более десяти лет повторить этот опыт в масштабах Отечества не удавалось никому.

Личный интерес Валерия Альбертовича всегда глубоко связан с интересами всего коллектива ОАО «Пятигорские электрические сети». А интересы коллектива совпадают с интересами потребителей электроэнергии, то есть нас с вами. В этом уже нравственная основа успешности.

Духовные составляющие личности имеют различные проявления. И мелочи иногда говорят о многом. Как в природе улитка служит показателем достаточно чистой среды, так и животные, как водится, «подскажут», с добрым ли по сути человеком имеешь дело. На хозяйственном дворе ОАО всегда живут несколько дворняг. Была свидетелем, как они важно шествовали и укладывались, как приличные гости, в кабинете самого генерального!

К детям и старикам в ОАО «Пятигорские электрические сети» – особое отношение, если судить по социальной программе, в которой есть место и воспитанникам детского дома, и талантливым детям, занимающимся музыкой и спортом, и просто детям сотрудников, когда идет речь о поощрении профессионального образования. Здесь в почете и ветераны коллектива.

С Валерием Альбертовичем мы познакомились, когда я еще работала в отделе культуры гор исполкома. Проводилась реконструкция городского парка, на планерках обсуждались различные технические вопросы, в которых я мало что понимала, но статусно за все это, без вины виноватая, отвечала. Хнычев всегда хранил слово, без толку не говорил, мог держать удар. Потом я исчезла из поля его зрения – родила сына и на годы пропала. И только в перестроечный период, когда бизнесмен, бывший первый секретарь горкома комсомола последнего призыва, организовывал с дружественными ему коллегами из Нальчика работу выездной операционной глазной клиники Святослава Федорова, нас опять свела судьба. Меня упросили поработать организационно. Сын уже пошел в школу. База для передвижных операционных разместилась недалеко от моего дома. Я согласилась. Нужно было обеспечить для них электроснабжение, и я встретилась вновь с Валерием Альбертовичем. Боксеров (так звали комсомольца-бизнесмена) никогда строгому, деловому Хнычеву не импонировал. Это и понятно, потому что такого откровенного разгула в горкоме комсомола, как при Боксерове, не было, пожалуй, никогда. Как и публичных разговоров о сексе, что в окружении Игоря было нормой. Словом, мое появление в его команде у Валерия Альбертовича положительных эмоций в мой адрес не вызвало. И мне пришлось на него «наехать»: «Вы как себе это представляете? Мне надо выживать, можно подработать в трех минутах ходьбы от дома, и я должна от этого отказаться, чтобы сохранить в вашем представлении мой светлый образ? Посмотрите за окно…» Примерно так. Так или иначе, отношения уважительного общения вернулись на круги своя.

С журналом я пошла к нему в числе первых, и он поддержал. Мы подготовили на коммерческих началах статью о его родном предприятии. А предприятие в определенном смысле уникальное! Более ста лет назад здесь было осуществлено то, что можно считать прообразом Единой энергетической системы страны: удалось впервые синхронизировать работу тепло- и гидроэлектростанций. Технически был совершен прорыв. Второй уникальный для предприятия момент был осуществлен уже под руководством и, собственно, при исполнении самого Валерия Альбертовича – выход на оптовый рынок электроэнергии.

Это расширило границы экономических возможностей предприятия не в ущерб потребителям. Для работающих в городских электросетях генеральный директор – ее своеобразный гарант. Да я его обожаю! Он – по-настоящему умный человек! И вообще, все эти годы он – мой талисман. Жаль, что он не руководит «Газпромом»: может, меньше было бы проблем с источником финансирования для журнала. На суммы, эквивалентные хотя бы стоимости полиграфических работ (а это за миллион), рассчитывать не приходится: все-таки это – городское предприятие коммунальной энергетики! Но маленький «золотой», как это я называю, в мужество заниматься изданием журнала Валерий Альбертович мне периодически подбрасывает. Низкий поклон ему и его коллективу!

На разных этапах Всевышний посылал мне людей, которые в большей или меньшей степени помогали мне: словом, делом, своими связями и возможностями, которые открывались, потому что я оказывалась рядом, так уж получалось. Не всегда это были продолжительные взаимоотношения, не всегда заканчивались со знаком «плюс» для меня как главного редактора, да и люди эти были очень разными. И все же они были какими-то знаковыми, эпохальными!

Владыка

Огромным везением для меня было знакомство с архиепископом Ставропольским и Владикавказским Феофаном. Чувство масштаба личности есть у меня с детства, и оно практически никогда не подводит. То, что Владыка – гигант, стало ясно после первых слов на первой пресс-конференции, не нужно было даже изучать его послужной список. Просто список подтвердил очевидное.

С ним я сделала несколько материалов, он согласился войти в состав редакционного совета журнала, когда таковой возник. Журнал ему нравился. Читая публикации, он говорил, что мы делаем хороший продукт. Правда, не все наши собеседники были последовательными сторонниками какой-нибудь из официальных конфессий, были и те, кто критиковал православных священнослужителей. Но мне хотелось делать издание, отражающее палитру взглядов, реально существующих в обществе. Вероятно, Владыке это не всегда нравилось, но относился он к этому с пониманием. И всегда был, по-моему, сторонником позиции: «Собака лает, а караван идет». И возводил храмы на территории вверенной ему епархии, налаживал контакты и выстраивал отношения с властями всех уровней, независимо от того, к какой конфессии принадлежали их представители.

На территории постконфликтного пространства Северного Кавказа он, вероятно, был в тот период исторически востребованной фигурой, обладающей опытом и авторитетом, что позволяло соединять самых разных людей в стремлении к миру. Только Владыка в дни торжественных приемов мог собрать за одним столом глав республик, руководителей исполнительных и законодательных органов власти субъектов федерации Северного Кавказа вместе с представителями бизнеса, СМИ, деятелями культуры. До создания округа с центром в Пятигорске при существующем прямом подчинении только центру они практически и не очень общались. Владыка замечательно вел эти встречи, добивался атмосферы максимального дружеского приятия людьми друг друга. И это при всех их кажущихся разности и противоречивости. Он выполнял функцию православного миротворца. И его авторитет на Кавказе огромен. Он, православный священник, ехал в Грозный, Нальчик, Махачкалу и встречался с самыми разными категориями людей, в первую очередь с молодежью. Его интеллект, образованность, владение аудиторией заслуживают особого признания.

Когда у Владыки был юбилей с торжеством в зале Ставропольского драматического театра имени М. Ю. Лермонтова, я, как, вероятно, и другие, поначалу подумала: а уместно ли это? А не будет ли это выглядеть нескромно со стороны, по сути, монаха? Но, побывав там, поняла, как он мудро и правильно поступил: получился прекрасный праздник единения представителей Северного Кавказа. Ему вообще удавалось произвести такой энергетически крутой замес людей, заставить распахнуться их сердца и сделать все, чтобы у них ничего иного не оставалось, почти по Екклезиасту, как «любить, трудиться и творить добро». И это он проделывал с персонами достаточно высоко социального статуса, которые очень многое определяют в регионе в целом.

Владыка Феофан был невероятно мобилен. Епархия была огромна по своей территории, и он проводил сутки на колесах. Могу точно сказать, что себя он не щадил. Как-то Валерий Гаевский рассказал, что в самолете встретился с Владыкой, который куда-то по делам перемещался, будучи совершенно больным (с температурой 39 градусов), не придавая этому вообще никакого значения. Его поразительная выносливость, стоическое преодоление невероятной усталости меня всегда поражали. Помню, с визитом на Кавминводы прибыл Патриарх и Папа Александрийский Феодор. Был праздник Успения Богородицы. Торжественную службу в храме под открытым небом во Второ-Афонском Свято-Успенском мужском монастыре служили вместе Патриарх и Владыка. Три часа службы, потом прием гостей. Я устала невероятно!

Договорилась об интервью с патриархом, но должна была созвониться дополнительно с Владыкой. Звоню на следующий день, часов в десять утра. По мобильному. Отвечает голос, в котором я с трудом узнаю Владыку. Знаете, когда от безмерной усталости меняется тембр, и кажется, из ничего возникает боль-не боль в горле? Голос был таким. Я спросила, что случилось, может, разбудила невзначай. А он говорит: «Что ты, я давно на ногах». Как выяснилось, после службы был еще День города в Ессентуках, где на театральной площади мэр Константин Скоморохин просил поприветствовать жителей, а потом был юбилей Гайоза Макиева, руководителя крупного федерального дорожного предприятия, много помогающего в обустройстве дорог к храмам. Ну не мог он не быть там! Чувство долга и умение дружить у Владыки были всегда. Вот практически и свалился от нечеловеческой усталости!

Но не только в дни празднеств и торжеств он оказывался в нужном месте. Вспомните трагедию в Беслане! Весь мир обошли фотографии, когда Владыка в подряснике, окровавленный, помогал пострадавшим. А потом годы он буквально нянчил бесланских матерей, потерявших своих детей в этой жуткой, потрясшей всех трагедии. Он всегда подчеркивал после этих событий, что все территории епархии для него важны, дороги, но Осетия – на особом счету. А как он там проводил массовое крещение прямо в озере, находящемся неподалеку от монастыря! Сотни людей прошли через этот обряд благодаря Владыке Феофану! И, опять же, в дни трагической пятидневной войны в Южной Осетии Владыка был рядом, не оказался в стороне – в монастыре, по пути к Рокскому тоннелю, организовал питание, приют для беженцев и военнослужащих. А потом именно он ездил по миру, рассказывая правду об этой войне.

Он мог влюблять в людей, которых полюбил сам. Однажды на каком-то очередном приеме в епархии он так представил Юнус-Бека Евкурова, президента Республики Ингушетия, что не проникнуться к нему уважением было невозможно! Владыка пришел навестить его в подмосковном госпитале после покушения. Евкуров говорил, что не держит зла и не собирается мстить, более того, готов сам использовать свой авторитет и статус, чтобы ходатайствовать об отмене наказания совершивших это, если придут с повинной и, главное, дадут гарантии, что сложат оружие. А потом в конце визита, когда Владыка попрощался, чтобы уходить, израненный, не восстановивший силы Юнус-Бек, невзирая на возражения Владыки, встал и проводил его до выхода из госпиталя.

Он был очень разный, Владыка. И мои взаимоотношения с ним были такие же. Всегда знал, что я критично оцениваю все, и он не составляет исключения. Я ему предлагала неоднократно сделать интервью с провокационными, «еретическими», как я их назвала, вопросами. Владыка не отказывался, просто до этого дело не дошло. Но он неизменно говорил: «Зоя, меньше думай, больше верь!» И с чувством юмора у него все было хорошо.

Подшучивал, намекая на мою девичью фамилию – Ересько, которую я умудрилась сменить на мужнюю – Выхристюк.

И всячески показывал, что храм – это место отнюдь не только для греховных слезных покаяний. В храм можно входить и с благодарной радостью.

Как-то в монастыре в день Успения Богородицы на торжественной трапезе в келейном корпусе запел хор семинаристов, и я, растроганная, утирала слезы. Особенно, когда запели про коня – «Сяду я верхом на коня. Ты неси по полю меня…» Любимая из их репертуара. Владыка посмотрел на меня и во взгляде я прочитала: «Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб разобьет. Ну не до такой же степени, Зоя…» Или мне это показалось.

Но был момент, за который я как главный редактор ему особо признательна. После войны в Южной Осетии, будучи членом Общественной палаты РФ, как епископ, почти свидетель войны Владыка летал по миру. Тогда очень важно было развеять миф о нападении России на Грузию. Мы договорились об интервью. И все никак не получалось встретиться. Макет номера уже практически готов, а в нем дырка – отсутствующее интервью

Владыки. Он из Берлина добирался через Москву в Цхинвал (это, по-моему, было в канун концерта в столице Южной Осетии симфонического оркестра под управлением Валерия Гергиева). И мог бы лететь на Беслан. Но! Он обещал! Прилетел в Минеральные Воды, дал интервью прямо в аэропорту, пересел в машину и уехал дальше, в Осетию. А потом, когда согласовывал текст, еще и пошутил: «Да я так умно и не говорил, как ты написала». Разве можно такое не ценить! Да я обожаю Владыку!

Он сделал немало, чтобы морально поддержать меня как главного редактора журнала: ввел в свой ближний круг, сделал постоянной участницей епархиальных приемов. На прием приглашается около 200 человек из всех республик Северного Кавказа! Из Ставропольского края, конечно, людей больше. Кроме тех, кого я уже упоминала, всегда были руководители силовых ведомств, как минимум, края. Из всех присутствующих не более двадцати – женщины. Человек пять – руководители СМИ. И я в том числе. Попасть на такой прием всегда престижно. Он помог фактически осуществить цель – вхождение во властные структуры, которая ставилась изначально. При практически полном невнимании к изданию со стороны правительства края он показал, какое место среди краевых, как минимум, СМИ журнал занимает по своему уровню. Для него кроме официального статуса человека или структуры важен был уровень глубинный, сущностный. А иногда мне еще в этом высоком собрании предоставлялось слово!

Нет, конечно, несопоставимо реже, чем Людмиле Леонидовне Редько! Ни один прием практически не обходился без ее спича. Но она и была всегда на уровне! Она готовилась – внешне, содержательно, в выборе места дислокации во время фуршета. И всегда говорила умно, хорошо поставленным голосом, с чувством высокого достоинства! Как-то Владыка попытался ее прервать, потому что она начала говорить и о нем. Что сделала Людмила Леонидовна в столь высоком собрании? «Владыка, вы мне слово дали? Я его взяла! Прошу не перебивать!» Кому было бы позволительно такое? Только ей! Но и по ней Владыка как-то прошелся на одном из приемов. Предложили для приветствия выйти в центр представителям женской части присутствующих. На этот раз Владыка дал слово молвить, по-моему, министру образования края Алле Золотухиной (она в то время сменила пост заместителя председателя правительства края на министерский портфель). Но пока дамы в центр зала стекались, Владыка отпустил замечание в адрес самой Людмилы Леонидовны (она была в брюках): «Ну ты, мать, и нашла во что вырядиться!» Я была рядом и видела ее реакцию растерянности, невозможности ответить, неловкости. Она промолчала, но через пять минут незаметно, не привлекая к себе внимание, покинула собрание. Мне кажется, что они как-то шлифовали личности друг друга, воздавая должное потенциалу и значимости визави. Кстати, на этом приеме Владыку буквально «несло», если такое словечко уместно в данном контексте. В череде вышедших вперед на противоположном фланге от меня оказалась очень красивая, обаятельная женщина, которую на этом приеме я увидела впервые. Владыка, представляя ее, сказал, что она – предприниматель и, более того, его землячка. А потом говорит: «Посмотрите на нее – какова! Курянка! Белобрысая (а женщина – красотка на самом деле)…» И еще что-то добавил в том же духе. Ну Людмилу Леонидовну стерпеть я могла – она себя защищать может! Уж это я знала точно! Но когда Владыка дважды смачно повторил слово «белобрысая», а дама вся залилась краской, тут я уже не сдержалась и сказала достаточно громко: «Не белобрысая – белокурая!» Владыка настаивает на своем: «Не белокурая – белобрысая!» Мне почему-то по голове не досталось, хотя шанс был! Все это, конечно, в очень быстром темпе, мимоходом… Но хорош «мимоход»! Вот такой Владыченька бывал! Я предполагаю, что они с Людмилой Леонидовной горшки потом побили, думаю, она это так не оставила. Но на следующем приеме была в юбке.

Людмила Леонидовна Редько прибыла в монастырь из Ставрополя на службу и прием по случаю визита Патриарха и Папы Александрийского Феодора. Я еще раз вблизи имела возможность видеть, как ей мастерски поддаются мужчины – они буквально готовы были «лепиться» в ее руках. У нас было с ней время поговорить, и я выразила ей свое восхищение,

напомнив, что наблюдаю за ней с комсомольских времен. «Все дело в том, что мне ничего от них (мужчин – прим. автора) не нужно», – прозвучал ответ. Мысль интересная, нужно додумать. Но и Феодор Людмиле Леонидовне выказал свое особое почтение. Кстати, к ее влиянию чуть было не пришлось апеллировать. Но обошлось. А дело было так: выходим после торжественной трапезы, предлагается общее фото. Выстроились все на ступенях, у многих были фотоаппараты, да и представители прессы были. Замерли – вспышка, замерли – вспышка… И тут Владыка спрашивает у помощника, где епархиальный фотограф-семинарист, и велит его разыскать. Строй нарушен, публика движется дальше. Парень-семинарист появляется, когда «поезд уже ушел». Владыка в ярости: «Где был?» А он честно: «В трапезной»… Как раз был первый день после поста. А тут еще в монастыре хорошо кормят. Словом, бедный парень «попал». Владыка властно, не терпя возражений: «Выгнать! Отовсюду выгнать…» Все благочинные, стоявшие рядом, рта раскрыть не смеют. А парня жалко! Я вперед: «Владыка, сегодня такой праздник, нельзя ссориться – простите!» Владыка неумолим! «Гнать, гнать поганой метлой!» На следующее утро (я о нем уже говорила) звоню Владыке по делу. И, получив информацию, опять с челобитной по поводу парня. Владыка выслушал и говорит: «Зоя, да я его уже давно простил». Прибегать к мощи артиллерии в лице Людмилы Леонидовны не пришлось, хотя такой вариант влияния сразу всплыл от жалости к проголодавшемуся горе-фотографу.

Приглашением меня на приемы Владыка выставил публично мой региональный статус. Я, конечно, наивная, надеялась, что это приблизит меня к решению проблемы финансирования издания. Не случилось! Но Владыка ни при чем! Сказалась, видно, моя неспособность реализовывать возможности. Зато я получала массу удовольствия, общаясь со статусными умными мужчинами в атмосфере такой тусовки. И не только – определенные защитные функции тоже. Я это поняла совсем недавно, когда пришлось влезать в правозащитные поля в связи с делом Мерехи. Но об этом – позже.

Конечно, он бывал крут в своих поступках и решениях. Мне было искренне жаль, когда, придя в епархию, он освободил от благочиния в Буденновском районе обожаемого мной отца Георгия (Бакирходжаева). С точки зрения административной логики (семья отца Георгия продолжала жить в Пятигорске), в этом, возможно, и было рациональное зерно. Но по реакции отправленного в отставку, с которым я знакома со студенческих лет, промелькнувшей в незаметных деталях, читаемых только потому, что знаем мы друг друга достаточно давно, я поняла, что это было сделано неоправданно жестко, – вероятно, в стиле «белобрысой». Мне это тем более досадно, что я видела других благочинных со следами людских страстей на лице, с готовностью велеречиво молвить в адрес Владыки, что, надо отдать должное, по крайней мере, в моем присутствии, он пресекал. А в отце Георгии я всегда видела достоинство и чистоту. Он относится к категории священнослужителей, которые живут по правилу: «Исповедую то, что проповедую». Да, и он отслужил молебен по случаю начала нового дела, когда журнал только начинался!

Я видела, как реагировал на «крутизну» Владыки и отец Силуан. Его приезд в монастырь был всегда проверкой. Это вызывало волнение, суету. А может, так и должно быть? Не мне судить.

Но и в то же время, когда с Силуаном случился инсульт и он оказался в больнице, Владыка нашел возможность неоднократно его навещать и тем самым как уважаемое лицо в регионе обеспечил максимальное внимание к больному.

Знаток Моцарта и поэзии серебряного века, мне кажется, Владыка – большой любитель прекрасного в искусстве, жизни, людях, вероятно, и в бытовых вещах. Но, кроме того, что он – монах, священнослужитель, он – человек, во всей сложности проявлений человеческой природы, со следами печати нашего сложного, неоднозначного времени. Бесспорно главное – он очень ответственно выполнял свою миссию представлять и проводить на Кавказе интересы Русской православной церкви, видя в ней в том числе и один из важнейших институтов сохра-

нения государственности. Он помог мне в критической ситуации с моим школьным другом, когда «наезд» человека системы готов был перечеркнуть трудовую биографию талантливого администратора, директора школы. У Владыки – генеральская выправка, на приеме военные чины вытягивались перед ним во фрунт. Не знаю, но он священнослужитель-государственник. Почему бы ему не быть генералом? Когда я была в поездке в США, все женщины-общественницы, которые работали с нами, имели стаж работы в Госдепартаменте в разные периоды своей жизни. А бывших госдеповцев, как известно, не бывает. Владыка ведь по своему масштабу значительно больше своих официальных функций: он – государственник. Хуже, когда чиновники разного ранга, находящиеся на службе у государства, государственниками, по сути, не являются. Да, может быть, он не был тем пастырем, который готов выслушивать исповедание грехов простых смертных, да и благословлять до бесконечности толпы прихожан он не сильно любил. Но он служил с полной отдачей сил в меру своего понимания характера своего служения на Кавказе.

Мое периодически критичное отношение к каким-то его проявлениям он считывал моментально, позитива ответного это у него не вызывало. А у кого вызвало бы? Я видела его воодушевленным, видела гневным, видела вздорным (как с «белобрысой»). Видела суетным, когда во время приема нужно выстроить политес и никого не забыть. Но я видела его и искренне молящимся! Как хорошо, что я не поленилась поехать и попрощаться с ним перед его отъездом на Урал, к новому месту службы! Я увидела монаха, смиренно принявшего волю Всевышнего. И он был прекрасен!

В его духе не было лукавства

Еще один человек в монашеской рясе был чрезвычайно важен и значим для меня. Когда он ушел из жизни, стало понятно, что он был, вероятно, больше чем просто человек. Это стало очевидно после того, как его земные дни завершились. Наместник Свято-Успенского Второ-Афонского мужского монастыря архимандрит Силуан для меня, как и для многих людей, оказался именно таким – мы осиротели, не являясь генетически его детьми, да и не будучи таковыми по возрасту.

Мы познакомились с ним семь лет назад, он дал интервью журналу и как-то незаметно приручил, сделав монастырь очень важной составляющей жизни моей семьи. Красивый и внешне и духовно, отец Силуан поражал своим современным взглядом на мир, способностью увидеть главное в человеке, понять его душевные метания и найти слова ободрения и утешения. При моей комсомольской организационной хватке меня поражало, как при кажущейся непрактичности ему так много удалось сделать в монастыре. Достроили и оснастили келейный корпус, возвели архиерейские покои, лавку, где сегодня продаются свечи и заказываются службы, обустроили открытую площадку, которая превращается в храм под открытым небом, организовывали торжественные приемы для высоких гостей в дни особых праздников… Причем все это как вторичное, сопутствующее главному – постоянному несению службы и работе с жителями городов Кавказских Минеральных Вод – в библиотеках, школах, студенческих аудиториях.

У него была удивительная способность общаться с людьми. Каждый считает, что уж к нему-то отец Силуан относился совершенно по-особому и именно с ним у него были наиболее близкие, доверительные отношения.

Среди людей после сорока немало тех, кто рос и воспитывался в семьях невоцерковленных и даже просто неверующих. Мы с мужем вообще обряд крещения принимали вместе с нашим полугодовалым сыном. Правда, и в школьные и в студенческие годы я иногда ходила в храм, свечи ставила и всегда знала – Господь есть. Мне это еще бабушка Фекла в детстве рассказала. Но исповедаться, причаститься, отстоять службу… Как же это нелегко, если это не стало нормой с детства! Я задавала отцу Силуану самые «еретичные» и критичные вопросы: о несовершенстве священничества, о целесообразности некоторых церковных и околоцерковных особенностей, о современном мире и характере времени… Он не торопил меня с исповедью, но говорил неназойливо, что надо исповедоваться и причащаться, не страдать манией величия, думая об уникальности своих грехов и прегрешений. И как же было тяжело сделать это в первый раз! Когда тебе уже немало лет, и ты и сам со всей беспощадностью оцениваешь каждый свой поступок, мысли, чувства и их оттенки… Он провел меня через это «самобичевание». Мы даже договорились, что только ему я буду исповедоваться впредь, потому что не могу приезжать в монастырь и ходить, как голая. Он только улыбнулся. С чувством юмора у него все было хорошо. Владыка Феофан очень одобрил мой выбор исповедника. Как мне кажется, он очень уважительно относился к отцу Силуану и как к наместнику монастыря и как к священнослужителю. Каково же было мое негодование, когда два года назад случилось так, что отец Силуан отправил меня исповедоваться отцу Михаилу! Я взбунтовалась, было отказалась, мне велели, да и чин службы по времени не позволял поступить иначе. И только сейчас, после его ухода из жизни, я понимаю, что это он сделал для меня – хотел, чтобы моя связь с монастырем, моя возможность исповедоваться не прервалась по субъективным причинам. И вообще, отмотав пленку событий назад, я понимаю, что очень многие вещи он знал или чувствовал наперед.

Мне кажется, что он предчувствовал время своего ухода, когда, казалось бы, ничто этого не предвещало. Меньше чем за год до своего ухода он сказал как-то: «Да разве такая плохая участь умереть?» Я возмутилась: такой молодой, главное, нужен здесь! «Да мне уже 66», –

последовал удививший меня ответ. – «И что это за возраст для мужчины?» – «На все воля Божья!» И знал, где будет его могила, – за алтарной стеной храма. Сказал, что там будет еще два захоронения, и назвал имя человека, которого похоронят рядом. Для чего я это пишу? Мне почему-то хочется, чтобы тот, в ком мало веры, получил какой-то дополнительный аргумент в ее пользу.

Из-за командировки, от которой нельзя было отказаться в силу принятых ранее обязательств, я не смогла быть на похоронах. И все время, пока находилась в поездке, напротив балкона гостиничного номера на дереве сидел ворон, посланник вечности, которого не замечал все эти дни никто, кроме меня. Это выяснилось, когда в последний день, рассказывая об отце Силуане, я обратила внимание на ворона, кстати, убедившись в очередной раз, что в одной и той же материальной реальности каждый видит то, что видит.

Отец Силуан исповедовал и причащал на дому моих родителей, был рядом в дни недетских испытаний, связанных с тяжелым уходом из жизни моего отца, он отпевал его и предавал земле, он помог мне пережить мировоззренческий кризис, воспоследовавший за этим. И обрадовался, когда в другой аналогичной ситуации услышал от меня: «Господь испытаний не по силам не посылает, но и милость Его беспредельна». В монастыре на неделю принимали моего сына, когда в сложном подростковом возрасте я теряла понимание, как удерживать с ним связь. Отец Силуан ставил меня на долгие по времени монастырские службы и научил чтить молитвенный труд монахов, а также почувствовать вкус нехитрой монастырской трапезы в пост. Он даже спонсировал какие-то суммы на издание журнала, когда было совсем трудно. А сколько раз он молился о разных людях по моей просьбе!

А потом с ним случился инсульт. Хорошо, что в это время оказался в монастыре Юрий Викторович Васильев, бывший мэр Пятигорска, а ныне депутат Госдумы РФ, и принял меры по немедленной госпитализации. Иначе мы лишились бы возможности общения с отцом Силуаном значительно раньше. В больнице, в санатории, а потом опять в больнице мы с ним довольно много общались, потому что он позволил мне его навещать. Хотя мне грех жаловаться, и в монастыре мы много говорили. Он ни на что не жаловался. В больнице, когда мы виделись в последний раз, рассказал о поездке в женский монастырь в центр России к целебному источнику. Там у него появилось жжение в груди.

Зато впечатлений и переживаний духовного плана было немало. Поездка подарила встречу с удивительными монахинями и старцем Иллией, исповедником самого Патриарха Кирилла. Увидев отца Силуана, тот велел именно ему сослужить, хотя там были священнослужители и более высокого чина.

Отец Силуан умел быть строгим. Однажды во время причастия ему показалось, что одна женщина (вероятно, у него были основания для этого) не проглотила кусочек просфоры, которая, как известно, является символом части тела Христова, и он потребовал открыть рот. Со мной он тоже пару раз разговаривал неожиданно для меня взыскующе. Как-то раз я стала расспрашивать о старчестве. Он резко меня оборвал, сказав, что когда я дорасту духовно, только тогда мне откроется доступ к старцам, а пока во мне сидит журналистское любопытство, говорить об этом всуе непозволительно. Как-то после службы и причастия в чистый четверг по завершении трапезы, когда я зашла попрощаться, он строго спросил: «И когда вас ждать в очередной раз?» – «На Троицу». – «А пасхальная ночь? Воскресение?» – «Да мы с подругами ходим освящать куличи в Михайловский храм…» – «Ну да, там, наверное, вас лучше угощают…» Хотя знал, что уж точно не в угощении дело. Такие люди, как отец Силуан, ничего не говорят так просто. И я пропустила и до сих пор, возможно, не поняла всю суть адресованных мне тогда посланий.

А о старце Иллие он мне во время нашей последней встречи рассказывал в подробностях – это было важно для него. И из монастыря за ним приехали, ждали, а он все никак не мог наговориться! Тогда я только вернулась из поездки, была в Израиле, привезла ему из Вифлеема

свечи, которые, якобы, принято дарить священнослужителям, – правда, удивительно пахучие, медовые. Почему я торопилась на очередную встречу? Почему не почувствовала, что видимся в последний раз? Сейчас я думаю, что уж он-то это знал. Спросила об Иллие, действительно ли чувствуется на уровне физических ощущений особый духовный статус этого человека? Ответил, на этот раз не гневаясь на меня, утвердительно. Но так, будто я спросила об интимном: и ему не хочется меня обидеть, но и говорить об этом нельзя.

И на Троицу у нас уже несколько лет сложился свой особый ритуал. У меня в столовой рядом с одной из моих любимых икон с ликом Божьей Матери с младенцем Иисусом на руках стоят букеты, с которыми отслужили службу в монастыре, причем в алтаре. Друзья сына нередко сидят под этой иконой, рядом с этими букетами, что меня радует. А началось все с того, что как-то в конце службы, когда получают благословение и целуют крест, отец Силуан пригласил меня на праздничную трапезу. Говорю: «Не могу, одета не по случаю (хотелось потом прогуляться по Бештау) и не одна, а с подругами. Лучше подарите мне веточку от букета». Отец Силуан мои аргументы принял и подарил целый букет. Этой традиции уже четыре года. В прошлом году отец Михаил ее не нарушил, за что ему огромное спасибо. А в этом на Троицу умерла моя мама, на службе я не была.

На днях перечитала опубликованные в журнале «Мужской характер» интервью с отцом Силуаном. Все они не утратили своей актуальности и сегодня. Их можно прочитать в электронной версии на нашем сайте. Но это – интервью, а в памяти масса диалогов, которые хочется воспроизвести сегодня, чтобы еще лучше передать аромат его личности – пастыря и человека.

– Пойдемте, вы же еще не были в архиерейских покоях?

– Конечно, нет, а что, уже завершили работы?

– А вы не корите себя. Может быть, самое большее, что вы могли для него сделать, это чтобы он жил рядом с вами, находился в вашем поле…

***

– Отец Силуан, предпочитаю общаться со статусными мужчинами, пахнущими хорошим парфюмом, по значимым проблемам, о философии жизни… А тут судьба выносит на проблему с социально неблагополучным мужиком, изувеченным работниками милиции. Не хочу! Страшно! Что делать?

– Заниматься! Значит, на то воля Божья! – Тогда благословите!

***

– Отец Силуан, мы же с вами друзья?

– Ну да.

– Давайте договоримся, и не потому, что вы сейчас на больничной койке, а я вас пришла навестить (говорим, когда он еще в феврале попал в больницу сразу после инсульта и ничто не предвещало скорого ухода из жизни – прим. автора), никто не знает свой день и час. Так вот, кто первый уйдет в мир иной, оставшемуся оттуда помогать должен.

– Конечно!

«Блажен человек, которому Господь не вменит греха и в чьем духе нет лукавства!» Может, эта фраза из одного из моих любимых псалмов Давида как раз о таких, как отец Силуан? Господи, не вменяй ему греха!

В годовщину смерти отца Силуана Владыка Пятигорский и Черкесский Феофилакт отслужил в монастыре поминальную службу. На могиле установили красивое надгробие – крест из черного мрамора. Это было сделано стараниями пятигорчан Юрия Яковлевича Пескова, Владимира Григорьевича Папко и Андрея Валерьевича Скрипника под непосредствен-

ным руководством Юрия Викторовича Васильева. Архимандрит Силуан многие годы был личным исповедником последнего.

Сердце под прицелом

Совершенно удивительной вехой в моей жизни стала эра «Мегапира». Она могла бы и не начаться, если бы я пропустила открытую дверь, как это, вероятно, мы нередко делаем в нашей повседневной жизни.

Был готов макет третьего номера, на форзацную страницу не хватало автографа какого-нибудь значимого лица с мужским характером. Я оказалась в здании администрации и зашла по старой памяти к нынешним «комсомольцам» – в Пятигорскую организацию Союза молодежи Ставрополья. Ее тогдашний руководитель Андрей Клименко был в свое время лучшим юнармейцем и часовым Поста №1 у Огня Вечной славы, мой воспитанник по комсомолу. Кстати, когда возникла идея создания некоммерческой организации «Благотворительный фонд «Развитие», я пришла именно к нему, они стали соучредителями. Сначала организация замышлялась для проведения молодежных социально значимых проектов, но, как водится, денег на них не нашлось. А потом появился журнал, который практически полностью поглотил мою жизнь. Кое-какие проекты мы проводили, но главным делом стал журнал.

Итак, я зашла к Андрею, его не оказалось на месте, сказали, что он на Посту, там какая-то делегация с маршалом Язовым. Имя Дмитрия Тимофеевича прозвучало, как сигнал «Вперед!» Делегация была в музее Поста. Появилась я вовремя, т. к. экскурсия подходила к концу. Иду наперерез к Язову с журналом, ручкой и чистым листком бумаги. Быстро объясняю, что нужно, вижу умные внимательные глаза. Получаю буквально три слова (что, собственно, и требовалось) с автографом. Киваю Андрею, который стоит в отдалении с вальяжным мэном в бороде, очках и спортивной одежде (в отличие от всех остальных, одетых официально). И на этом все могло бы и закончиться. Но мне стало любопытно, что за делегация, каков ее потенциал в плане возможности выхода на источники финансирования издания. Кстати, последнее толкало меня к самым неожиданным шагам и, в сущности, очень часто определяло персонажи, темы, географию публикаций.

То, что рассказал Андрей, заслуживало особого отношения. Элегантный бородач оказался руководителем ассоциации офицеров запаса Вооруженных Сил «Мегапир» из Москвы. Родом он из станицы Марьинской, что в сорока километрах от Пятигорска, человек не бедный, но не олигарх. Андрей знаком с ним, т. к. в разные годы окончили одно военное училище в Орджоникидзе. А привез он целую делегацию, т. к. завтра в Марьинской будет большое событие – день памяти его мамы, сельской учительницы. И он планирует день ее 80-летия (она уже ушла из жизни) отметить широко. Такая информация была интересна во всех смыслах. Андрей не мог меня включить в список приглашенных, но сказал, что можно согласовать с военкомом, он тоже однокашник бородача по военному училищу. Звоню военкому, он у кого-то о чем-то спрашивает и велит прибыть завтра к военному санаторию, откуда автобусом стартуют в Марьинскую. Выясняю, что из прессы будет только моя любимая Лариса Яковенко. Уже хорошо, хоть один знакомый человек. Собственно, все корыстные мысли были в тот момент даже вторичны. Дома, когда я рассмотрела то, что написал Дмитрий Тимофеевич на ходу, поняла, что было бы неплохо, если бы он кое-что добавил своей рукой. Так что вполне конкретные обстоятельства подтолкнули в феврале ехать неизвестно куда, неизвестно с кем и непонятно зачем.

Утром у санатория меня по-военному быстро определили в автобус, где уже сидело человек двадцать. Я поняла, что еду по «бездорожью», и отправилась к Ларисе, которая уже сидела в хвосте (в отличие от меня, она никогда не опаздывает). Маленький кругленький улыбчивый дедулька, увидев меня, сразу учинил допрос, не вижу ли я здесь знакомые лица. Я кивнула на Дмитрия Тимофеевича, а потом заметила Василия Ланового, незадолго до этого по телевизору показывали его юбилей, где он демонстрировал, как умеет делать сальто. Дедулька дальше

указывает на намакияженную даму в белых песцах. Развожу руками, дама благосклонно прощает, поясняя, что это же не Москва. Мой экзаменатор сменяет гнев на милость и представляет известную исполнительницу романсов цыганскую певицу Екатерину Жемчужную. Потом появляются два бородача, оба в очках, похожи на отца и сына, что и соответствует реальности, как выяснилось потом. Садятся впереди. Мы трогаемся. Сзади нас с Ларисой сидит носатый цыган, молодой мужчина, зять и аккомпаниатор цыганской дивы. Он пытается по нашей просьбе представить присутствующих, главное – поясняет, кто здесь рулит. Это – старший бородач Александр Николаевич Каньшин. Улучаю момент, когда его сын перемещается по автобусу, обсуждая какието вопросы с присутствующими, иду знакомиться с Каньшиным-старшим. Пытаюсь понять цель, задачи, мотивы всего события. Выясняется, что он тоже бывший комсомольский работник, только служил в Вооруженных Силах. Становится легче разговаривать – он из тех же штанишек вырос.

Чтобы было меньше вопросов, нам велено выдать синие книги об ассоциации, выпущенные к ее десятилетию. На подъезде к станице нас встречали казаки с песнями и плясками, хлебом-солью и заздравной чаркой. Сначала подъехали к дому, превращенному в воскресную школу. Когда-то это был учительский дом, в котором долгие годы жила Мария Федоровна Каньшина со своим, как выяснилось в процессе, приемным сыном Александром. Вообще, мне уже трудно точно установить, когда и что я впервые узнала об этом достаточно уникальном человеке.

Итак, родился он в неблагополучной семье ученика Марии Федоровны, который служил на флоте, женился на женщине, имеющей пагубную российскую слабость. Как-то, приехав на побывку домой, поделился со своей учительницей сердечной печалью – не уверен, что застанет больного полуторагодовалого сына живым: жена неблагополучная, а самому нужно отправляться в плавание. Мария Федоровна, одинокая женщина сорока с лишним лет, не дождавшаяся в свое время с фронта любимого человека, предложила привезти мальчика ей. Этому категорически воспротивился отец Марии Федоровны, отказал дочери в доме, если ослушается и возьмет себе чужого ребенка. Но у нее казачья порода, нереализованный материнский инстинкт взяли верх – она ушла из-под родительского крова, получила комнату как сельская учительница и стала сама, без поддержки родных, растить и воспитывать мальчика. А он реально был на грани жизни и смерти. Выходила, вынянчила, держала в строгости, дала хорошее воспитание, приучила к труду и привила вкус к учебе. И, что важно, сформировала ответственное отношение к жизни. Был момент, когда несколько лет спустя после фактического усыновления мальчика приехал кто-то из горе-родителей, желая вернуть себе свое чадо. Отстояла, не отдала! А вот ее отец так до самой смерти не смягчился в отношении непослушной дочери. Страдал ведь наверняка, но не изменил свою волю, хотя Мария Федоровна и была его любимицей.

Сын получился с запасом внутренней глубины. Имела возможность неоднократно убеждаться в этом. На пятидесятилетнем юбилее при широком стечении людей не маленьких, статусных, богатых в фильме о нем, показанном потом и по российским телеканалам, потряс один эпизод. Александр Николаевич, вспоминая детство, рассказал: они как-то с мамой возвращались из бани, навстречу попался отец Марии Федоровны. Он приостановился посмотреть на дочь с мальчиком, а тот, зная, кто это, и воспитанный, несмотря ни на что, в почитании к деду, подошел и в благодарность поцеловал его сапог. И Каньшин, член Общественной палаты РФ, председатель ассоциации офицеров запаса Вооруженных Сил «Мегапир», состоятельный человек, не постеснялся перед миром так обнажить свою детскую боль. Когда он это говорил при видео записи, у него стоял ком в горле и слезы закипали на глазах. Поистине, так духовно обнажиться и плакать может позволить себе только очень сильный духом человек.

В воскресной школе нас ожидала встреча с детьми. С ними работала старая учительница, которая знала еще Марию Федоровну Каньшину, учила Александра Николаевича. Был детский

рождественский концерт – светлые стихи, песни. Потом все прошли в маленькую бревенчатую часовенку, сооруженную во дворе школы, поставили свечи, помолились.

Александр Николаевич, когда мы только подъезжали к школе, так прокомментировал ее появление: «Как-то приехал в Марьинскую, уже став достаточно обеспеченным человеком, увидел на домике, где мы жили с мамой, объявление о продаже. И мне так захотелось, чтобы в память о ней, о месте, где она жила, появилась воскресная школа, чтобы сюда приходили дети, которым она посвятила всю свою жизнь».

Каньшин и этим не ограничился. Лучшие ученики воскресной школы приглашались в Москву, в гости в ассоциацию. Их принимали, угощали, показывали столицу. Вообще, Александр Николаевич являет собой тип редкого человека, который много сделал для своих земляков, друзей по школе и училищу, для членов семьи Каньшиных. Практически он стал Каньшиным больше, чем Каньшины по рождению. Для него, приемного сына сельской учительницы, невероятно высока ценность большой семьи. В его московском бизнесе работают практически все его родственники, их дети, близкие друзья, однополчане и однокашники. Но об этом я узнала много позже, а пока после воскресной школы мы поехали на кладбище поклониться могиле матери и рядом с погостом установить крест в знак того, что в ближайшее время здесь будет сооружена часовня. Часовня уже стоит. А потом был обед в трапезной станичного храма – простой, по-деревенски вкусный. Подъехал еще один высокий гость – Анатолий Федорович Дьяков, бывший министр энергетики РФ, создатель РАО «ЕЭС России», один из любимых учеников Марии Федоровны.

За столом нас с Ларисой опекал тот улыбчивый дедулька. Он оказался генерал-майором, Героем Советского Союза, получившим это звание во время Великой Отечественной войны в возрасте 18 лет, любимый мной Виталий Андреевич Ульянов. Совсем недавно он ушел из жизни. Царство ему Небесное! Он был начальником Орджоникидзевского общевойскового командного училища, когда там учился Каньшин. Именно Ульянов увидел его лидерские способности, сделал помощником по комсомолу, чем в значительной степени предопределил дальнейшую судьбу. До увольнения из рядов Вооруженных Сил в смутное перестроечное время Каньшин служил помощником по комсомолу в главном политуправлении Сухопутных войск страны, его воинское звание – полковник.

После трапезы мы отправились в Дом культуры, куда уже стекались станичники, принаряженные по случаю торжества. Ассоциация «Мегапир» имеет издательский дом, который выпускает книги военно-философского содержания. К этому дню подготовили книгу о Марии Федоровне. Всем вручали ее в подарок. Зал наполнился, на сцену вышел Александр Николаевич и открыл этот вечер, причем просил воспринимать его не только как вечер памяти его мамы, но и как дань памяти всему тому поколению, которое прошло через суровые испытания лихолетья. И звучал дивный голос Ланового, и выходил на сцену всем известный Язов, и пела свои романсы Жемчужная, и дали большой концерт артисты Пятигорского театра музыкальной комедии. Мы с Ларисой Яковенко сидели во втором ряду. Во время всего этого действа я поймала себя на ощущении, что сижу в пустом зале, и невольно обернулась – зал был полон, просто зрители были благоговейно поглощены всем происходящим. Какая разная у нас страна по уровню доступности к культурным ценностям! И как же повезло марьинцам, осознают они это или нет, не знаю, что вырос в их станице приемный сын сельской учительницы, который в благодарность судьбе, что не сгинул, так трепетно дорожит связью со своей малой родиной!

А потом еще был прием-фуршет для гостей и руководства станицы и района. Нас по-прежнему опекал веселый Виталий Андреевич Ульянов. Он дважды был героем журнала. Мы публиковали его воспоминания о том бое, за который он, практически восемнадцатилетний мальчишка, стал Героем Советского Союза. А в ту встречу, помню, мы с Ларисой накинулись на него с диктофонами, а наш «кавалер» все отшучивался, пока нам пресс-секретарь Каньшина не пообещал прислать уже расшифрованные его воспоминания. Но зато он очень интересно

говорил о женщинах. Ну не могли мы с Ларисой обойти эту тему. Представьте себе послевоенные годы, когда судьба обездолила сотни тысяч женщин, потерявших в горниле войны надежду на свое женское счастье. А тут молодой веселый, с дивным чувством юмора, с руками и ногами, со звездой Героя на груди жизнерадостный крепыш! Пытали мы Виталия Андреевича, как ему давалось женское внимание. А он так просто сказал, что сильно-то и похвастаться нечем – не мог он проявлять настойчивость, боялся обидеть. Я ему и говорю: «А вы не думали, что отсутствием настойчивости вы могли обидеть несравненно больше?» Виталий Андреевич просто застыл от такой неожиданности. Мысль явно поразила его своей новизной.

Вообще, он стал для меня одним из невероятно родных, теплых людей, существование которых в одном временном пространстве просто греет душу. Несколько лет спустя после первого знакомства мы с мужем были в канун дня рождения комсомола (а это и день создания ассоциации) на приеме в шикарном офисе на Ленинском проспекте в Москве. В кабинете Бориса Ивановича Волкова, бывшего тогда заместителем Каньшина по ассоциации, мы оказались с Виталием Андреевичем за одним фуршетным столом. Тогда он произнес слова, от которых у меня слезы на глазах закипали. «Когда я стал Героем Советского Союза, у меня появилось чувство, что я до конца своих дней буду обласкан и не обойден вниманием моей страны. А потом страна развалилась. Началась ревизия истории, изменилось отношение к ветеранам, Вооруженным Силам, нас сбросили со счетов, отобрали льготы, лишили привычного уровня жизни. Я стал никем. Если бы меня не подобрала ассоциация, мне нечего было бы делать. Едва ли я остался бы жив в своей горькой невостребованности и обиде». В ассоциации Виталий Андреевич курировал шефскую деятельность – в эту сферу включены детский дом, более 200 стипендиатов – детей офицеров, погибших при исполнении служебного долга, да и еще много чего. Мне понравилось, как моментально отреагировал Борис Иванович: «Не ассоциация подобрала вас, уважаемый Виталий Андреевич, а вы сделали честь ассоциации, дав ей свое имя, звание и вложив в нее свои организаторские способности!» Виталий Андреевич покраснел, у него и у всех присутствующих отлегло от сердца.

Если честно, не знаю, насколько действительно полезны ассоциации экс-звезды советской эпохи – генералы, маршалы, летчики-космонавты. Люди-то они все в возрасте, с проблемным здоровьем, характером, на который еще и годы наложили свою печать. Но, однажды позвав их под свое знамя, Каньшин не оставил и не оставляет их до сих пор. Когда они были поражены в своих финансовых правах, он сам определил им надбавку к пенсии, чтобы могли жить достойно. Они как-то рассказали, что их, маршалов, генералов, Героев Советского Союза, приглашали в различные офицерские организации – все-таки статус, имя, награды могут быть тараном (по крайней мере, были таковыми в первые постперестроечные годы) в решении каких-то вопросов и открытии каких-то дверей, но они пошли только за Каньшиным. И это отнюдь не продажа статуса в обмен на бонус, нет! Ассоциация позволила им продлить их дееспособность: и Ульянов, и маршалы Язов и Михалкин, и летчик-космонавт Севастьянов, и военный философ Тюшкевич – все они многие годы были вовлечены в деятельность во благо России. Той России, которая ушла вообще на задний план в погоне за рублем, а точнее, долларом, оттеснена нахлынувшим гламуром, той России, которую пытаются вписать в рамки внешне атрибутированных кем-то параметров цивилизации и демократии, забыв о ее самоценности.

Александру Николаевичу Каньшину я безмерно признательна по многим причинам. Както озвучила это в виде благодарственного тоста. И увидела, что он обомлел, не потому, что я его благодарила (ему к этому не привыкать), он был удивлен тем, за что я его благодарила. За повышение моей личной самооценки, за некоторые открывшиеся для меня как для главного редактора журнала возможности. Когда ты идешь в фарватере такого корабля как теперь уже международная ассоциация объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «Мегапир», они открывались, и я по мере возможности какие-то из них старалась не упустить. Вероятно,

он ожидал, что я поблагодарю за финансовую поддержку, которую ассоциация нам периодически оказывала, за лоббирование наших интересов… Да, это все дорогого стоит, но главное – Каньшин вытащил меня из моих провинциальных комплексов, дал возможность в какой-то мере приблизиться и понаблюдать в онлайн режиме за людьми из категории элит российского общества, дал почувствовать, что я тоже что-то могу, прогнал, сам того не предполагая, через череду испытаний, словом, невольно стал вехой в моем личностном развитии, да, вероятно, и росте. А все остальное я уже сделала сама.

Поездкой в Марьинскую могло бы и закончиться наше знакомство с «Мегапиром». Но на следующий день я утром приехала в военный санаторий поговорить с Александром Николаевичем, не возьмет ли ассоциация на финансовый «буксир» наше издание, которое тогда позиционировало себя как спортивно-патриотический журнал для молодежи. Наше позиционирование по мере развития неоднократно менялось, но речь сейчас не об этом. Он выслушал, посоветовал письменно направить в их адрес предложение, обещал подумать и рассмотреть. Через месяц-полтора приехал от него гонец, встретился со мной и бухгалтером (тогда я работала в одной связке с Ольгой Труфановой, удивительным, светлым человеком). Общались мы в кафе – офиса у нас не было, потому что долгие годы и позже журнал, условно говоря, имея статус достаточно солидного издания, делался почти буквально у меня на кухне.

Потом в конце апреля последовало приглашение в Москву на какое-то мероприятие «Мегапира» и параллельно подписание договора о сотрудничестве. Я почти пятнадцать лет не была в Москве!

Во Внуково встретили, разместили в «Славянке» (гостиница для военнослужащих, рядом с культурным центром Российской армии и театром Российской армии). В последующие годы я полюбила эту часть Москвы, можно сказать, с нею сроднилась. Утром – машина к подъезду, едем в офис на Октябрьском поле, все по-военному четко по времени. Каньшин незадолго до этого побывал на экономическом форуме в Давосе. И, вероятно, ему захотелось попробовать экономически связать ряд знакомых и дружественных структур цепью взаимодействия. Из этого, если я правильно поняла, ничего значимого не получилось. Но он всегда искал свое место в этом мире, не боялся выйти за рамки уже каких-то устоявшихся форм. Его интересуют игры! Как всех нас, но по большей части – мужчин. Однако, в отличие от многих, ему интересны социально значимые игры. За время более-менее регулярного общения я видела его в нескольких ипостасях. Александр Николаевич вообще относится к разряду людей, постоянно развивающихся. За эти годы он защитил докторскую, был и сейчас вновь является членом Общественной палаты РФ, руководителем одной из ее комиссий, много работает с прессой, вывел на новый уровень ассоциацию, исколесил почти всю страну, объездил полмира, объединяя в миротворческом порыве бывших военнослужащих армий мира. Параллельно он еще занимается бизнесом. И, как я понимаю, достаточно успешно, чтобы иметь средства для всех этих затей. Кто-то торчит в казино, кто-то организовывает себе иной экстрим. Но Каньшина интересуют игры статусные и, что наиболее ценно, созидательные. Он сам себе режиссер. Правда, как и я с журналом, иногда гнется под бременем своих затей и взятых на себя обязательств. По крайней мере, мне так кажется, хотя я могу и ошибаться. Но мы сами вольны в выборе, чем содержательно наполнять свою жизнь. Он ее наполняет так. И практически всегда оплачивает участие других в своих играх или же находит баланс интересов.

На следующий день я была привезена в другой офис, где-то неподалеку от Ленинского проспекта.

По моим представлениям, он роскошен: ноги утопают в ковре, ты утопаешь в кресле в ожидании возможности войти в кабинет. Секретарь, юная леди приятной, но не кричащей внешности предлагает кофе, чай, из-за стекла аквариума пучеглазятся диковинные рыбки… Все отлично, особенно от предвкушения, что вот сейчас большая, мощная финансовая структура возьмет и подпишет с тобой договор на триста тысяч рублей (а именно столько стоил тогда

тираж номера журнала), и ты будешь себе творить и общаться с разными интересными и статусными мужчинами, предъявляя миру их настоящий мужской характер. Параллельно мне предлагают компенсировать стоимость авиабилета, гостиница была заблаговременно оплачена. Отказываюсь – мне Василий Викторович Бабаскин, генеральный директор «Кавминводыавиа», любезно предоставил льготный пролет: что же мне «стрясывать» с моих будущих партнеров еще какие-то там суммы! Внутренний голос советует все же поинтересоваться у пресс-секретаря Каньшина текстом документа, который нам сейчас предстоит подписать. Читаю и прихожу в смятение: нам предлагают аж тридцать тысяч при обязательном вхождении «Мегапира» в состав соучредителей! Опаньки! Продать свободу за десять процентов стоимости разового тиража! А тут уже распахиваются двери в кабинет. Вхожу. Александр Николаевич – в мягкой, не уличной обуви, в светлом пуловере, потом вижу портрет маслом Марии Федоровны Каньшиной, но… в бальном платье XIX века! Все ясно: помните, в период малиновых пиджаков было очень модно стать благородным? Александра Николаевича тоже эта болезнь, вероятно, не обошла стороной. Правда, я этот портрет никогда больше не видела. Начинаем говорить. Благодарю за приглашение, встречу, прием, заботу. Переходим к делу. Опять «спасибо» за внимание, которое уделили изучению наших проблем. Только что ознакомилась с текстом договора, но подписать его не смогу, о чем сожалею. Каньшин остолбенел. Передо мной у него был редактор какого-то ленинградского журнала. Так он, пятясь почтительно, выходил из кабинета, предварительно радостно подписав договор на эту же сумму. Александр Николаевич обрисовывает мне блестящие перспективы продвижения журнала, которые может обеспечить ассоциация в столице, говорит об уровне героев, каких я могу получить на страницы журнала и много еще чего… Соглашаюсь, что все это очень важно, и не сомневаюсь, что все это им по силам. Но для этого журнал должен быть произведен, напечатан, доставлен в Москву! А на это нужны деньги! Напоминаю, что мы из одних комсомольских штанишек выросли, все это я, имея деньги, и сама смогу организовать. Он почти в ярости от неожиданности. Говорю, что порядок цифр должен быть другой. Будем дружить, приятно было познакомиться, но, вероятно, сейчас мы не совпадаем в видении перспектив. «Хорошо, – говорит Каньшин, – тогда я из своих личных источников заказываю статью о маме и ее юбилее. И заплачу сто тысяч рублей! Будет ли это достаточной суммой?» Говорю, что вполне. Ударяем по рукам.

Чтобы снять неловкость, а может, дать мне почувствовать, как я неправа, он подводит меня к окну и показывает на машину, которая доставит меня в гостиницу. Вижу много классных авто. «Не туда смотришь, – замечает Каньшин, – вон последняя горбачевская „Чайка“, ты поедешь на ней!» Тут, вероятно, я должна была бы хлопнуться в обморок. Но не хлопнулась. Я машины отличаю по цвету, теперь уже по уровню комфортности, но никак не по маркам. И с вещами материального мира не нахожусь в отношениях обожествления: любя комфорт и красоту, как и все, я уважаю функцию и, возможно, пытаюсь не создавать привязок. А тогда и подавно мои доминантные чувства вообще были сдвинуты в ином направлении, учитывая значимость момента для меня, моего проекта, утраченные иллюзии, не потерянные надежды… Словом, сложный комплекс чувств!

Вот таким было более близкое знакомство с Каньшиным на московской земле. Вероятно, его поразило полное отсутствие во мне чинопочитания (ведь рядом с ним – всегда люди, финансово зависимые от него), уважительный тон, но на равных. Наша общая комсомольская школа, практически равенство по возрасту (он на год старше) и то, что мы еще и рождены под одним знаком зодиака – Близнецы, дает мне представление о его ходе мыслей и логике действий. Хотя он неоднократно поражал меня в последующем своей непредсказуемостью. Да это и здорово, когда человек для тебя остается непрочитанной книгой! А то, что он не «купил» меня сразу, позабавило и заставило не слить меня в одночасье. Так у него на время появилась социально значимая, в определенном смысле, забава в виде журнала хорошего качества, про-

изводимого практически земляками, да еще преимущественно женщинами. И спасибо Вам за все, Александр Николаевич! Вы много для меня значите и много сделали!

Эта поездка позволила мне как-то прочувствовать, что такое «Мегапир», каков сам Александр Николаевич, что было очень важно. Я ведь прекрасно понимала, что судьба дальнейшего нашего сотрудничества будет во многом зависеть от того, насколько статья о Марии Федоровне и праздновании ее юбилея в Марьинской придутся ему по вкусу.

Лет пять «Мужской характер» и «Мегапир» были связаны достаточно прочной нитью. Я то впадала в зону милости, то отодвигалась на время. Каньшин – достаточно тонко внутренне организованный человек, человек настроения. Как и у любого, обладающего властью и ресурсом лидера, головой нередко вертит его окружение, педалируя чувства, далеко не всегда в интересах моего дела. Собственно, именно в «Мегапире» я поняла, привыкнув в жизни к соперничеству женщин, что и мужчины могут со мной воевать за «близость к телу» человека, находящегося на уровне принятия решений. Но это было потом, а впереди было примерно пять лет, ставших достаточно нескучными и яркими. Скажу больше: по прошествии времени эти годы я воспринимаю как ученичество в мастер-классе Александра Каньшина в школе жизни «Мегапира», очень важное и ценное для шлифовки качеств моей личности. Низкий поклон!

Велихов – из принципа

Александр Николаевич обозначал людей, интересных мне по уровню, статусу, с которыми он общался, но никогда не помогал выйти на более короткий контакт. Даже Дмитрия Тимофеевича Язова я сама заполучила, когда он приехал отдыхать в Пятигорск в военный санаторий. И это было тоже из принципа. Потому что, когда мы «рубились» с Каньшиным по поводу суммы поддержки издания, он сказал, что таких людей, как маршалы Советского Союза Язов и Михалкин, иным журналам заполучить в собеседники еще нужно умудриться. Я и умудрилась. И получила истинное наслаждение! Дмитрий Тимофеевич, человек с очень непростой судьбой, пославшей ему массу испытаний, очень интересно и искренне говорил о жизни, войне, любви. Мы специально не касались темы ГКЧП. Об этом много он говорил в других изданиях. Меня же больше интересовало, впрочем, интересует и сейчас, как, по каким параметрам жизнь выдвигает на значимые рубежи людей, казалось бы, ничем не отличающихся от своих ровесников? А знаете, о чем мечтал будущий маршал в детстве? Стать поэтом! Скакать на коне по полям в красной рубахе и читать во весь голос свои стихи. Интервью получилось, было опубликовано, я открыла свой счет незримого соперничества с Каньшиным, даже не соперничества, а моего самоутверждения. Кстати, статья о Марии Федоровне, подготовленная не без участия Ларисы Яковенко, ему тоже понравилась. Ему вообще всегда нравилось, как мы пишем. Это приводило к осложнению с его ближайшим окружением, потому что военных журналистов, работавших в «Красном воине» и мегапировской газете «Офицерский сплав», он нередко наставлял, как надо писать, ссылаясь на наши публикации.

С Евгением Павловичем Велиховым ситуация была аналогичной, но еще более драматичной для меня и моего самолюбия. Судите сами. Велихов стал секретарем Общественной палаты РФ. Я знала, что с Каньшиным они дружны. Вот бы здорово для журнала заполучить интервью с ним! Скачок, рывок в круг узнаваемых личностей! Эксклюзивное интервью региональному и в Москве уж точно не шибко известному изданию! Прошу Каньшина, а он мне в ответ, что не может этого сделать: Евгений Павлович стал очень востребован, пресса его уже замучила, надо подождать. Жду. А тут случается пятидесятилетний юбилей Александра Николаевича. Надо отдать должное, что провел он его на своем, каньшинском уровне. Незадолго до этого события он привез опять очень интересную делегацию на свою малую родину, в Марьинскую. Была встреча с воспитанниками воскресной школы, вместе сажали деревья. В составе делегации были Андрис Лиепа, Ирина Купченко, Василий Лановой, Анатолий Дьяков, мои любимые маршалы и генералы из «Мегапира». Опять цветы на могилу маме Александра Николаевича. А потом в штабной палатке прямо на берегу реки детства Малке, рядом с обелиском советским воинам, погибшим в кровопролитных боях на этой земле, который еще Мария Федоровна заложила со своими учениками, товарищеский обед. Параллельно съемочная группа сделала сюжет для фильма о будущем юбиляре, который опять-таки получился как благодарность маме, земле, людям, с которыми судьба его свела в жизни.

Этот фильм был показан на юбилейном торжестве, которое Александр Николаевич провел во дворце для приемов на берегу уже Москва-реки с участием четырехсот гостей – префекты, вице-губернаторы, депутаты, сенаторы, генералы, маршалы, заслуженные-перезаслуженные… Все были. Но Каньшин собрал еще и всех своих друзей, с которыми в разные годы служил в армии, одноклассников и однокурсников по училищу и академии, даже свою учительницу не забыл! Более ста человекам он оплатил проезд и проживание в Москве. Не все из присутствовавших стали финансово успешны, не все нашли себя в условиях новой России. Я видела людей, которые обнимались, радуясь встрече через четверть века. И все шикарно – угощенье, программа. Вел это торжество Андрис Лиепа, открывала танцем Илзе Лиепа, пели

Тамара Гвердцители, Дмитрий Маликов, ансамбль «Самоцветы», хор Турецкого, романсы дарила Екатерина Жемчужная, стихи читал Василий Лановой.

Впервые именно там я оценила эстетику и наслаждение заедать шампанское фруктами в жидком шоколаде, белом или темном. Было очень душевно, статусно, значимо, словом, такие события случаются в моей жизни не часто. Но я же еще надеялась «поохотиться», как я это называю. Конечно, меня интересовал Велихов. Но, досада, все уже расселись по местам, а он не появился! Видно, в отъезде. За столом рядом со мной однокурсник Каньшина по училищу Александр Ткаченко, мы с ним уже раньше познакомились и подружились на мегапировских мероприятиях. Кстати, он рассказал интересную деталь, которая очень характеризует Александра Николаевича, – он помнит добро. Ткаченко после училища служил в Венгрии и, приехав в отпуск, привез Каньшину в подарок настоящие фирменные джинсы. Первые в его жизни! Предполагаю, что именно этот подарок как-то материально невыразимо скрепляет их дружбу, которой уже не один десяток лет.

Торжество началось, первые тосты уже подняты. И вдруг я вижу Евгения Павловича Велихова! Какая удача! Он пожал одному руку, кивнул другому и отправился к своему столику. А сидел он, как потом я имела возможность заметить, с бывшей главой правительства Украины, супругами Язовыми, генерал-полковником Моисеевым и еще какими-то немаленькими людьми. Мозг взорвался: «Велихова надо брать!» До сих пор поражаюсь своему нахальству и испытываю чувство неловкости за все воспоследовавшее. Объявляют белый танец, я подхожу к Евгению Павловичу, вся дрожа, как осиновый лист. Вижу только цель, отбросив в сторону мелочи. Приглашаю на танец. Боковым зрением отмечаю, что моя выходка соседям по столу не понравилась. Евгений Павлович от неожиданности да и как воспитанный человек приглашение принимает. Минутная неловкость, а потом я честно говорю, что пригласила его из корыстных побуждений, представляюсь, прошу об интервью, обозначая, что буду всего пару дней в Москве, прошу дать контакт. Танец на середине прерывается. Велихов по карманам ищет и не находит свою визитку, на чужой пишет телефон, по которому мне надо позвонить. Все это происходит уже у его столика, что не прибавляет мне симпатий со стороны его соседей. Приходится все это проглотить. Но если бы только это! Я ведь видела Велихова одного, перемещающегося при входе от столика к столику. Мне и в голову не могло прийти, что он здесь не один. А он был с супругой! Я даже не догадалась спросить у нее разрешения пригласить ее мужа на танец! Словом, каньшинский юбилей кроме удовольствия добавил стресса.

А стресс начался еще в Пятигорске, где на «совете в Филях» с подружками обсуждалось, в чем мне ехать, что дарить при в целом скромных ресурсах. «Дарить картину», – был вердикт. Никогда невозможно понять стоимость подарка, особенно, если это живопись пусть и неизвестного, но хорошего провинциального художника. По наряду совет дала Лялька, дочь моей подруги и крестной, – маленькое черное платье из гипюра с ниткой искусственного (издалека не видно, пойдет) жемчуга, маленькая раритетная сумочка – антиквариат ручной работы – из коллекции ее же мамы. (Так уж получилось, моего сына, меня и моего мужа крестили одновременно, и наша крестная, моя ближайшая подруга Ирча, стала нашей общей мамой). И полный порядок! После марафета на голове в салоне «Славянки» я соответствовала случаю. Поняла это по взглядам женщин, за что, как это нередко бывает, и поплатилась дикой головной болью во время всего торжества.

Через день я сидела в приемной небольшого коттеджа в Курчатовском центре, где Евгений Павлович общался с прессой. Передо мной был коллега из журнала «Америка», после меня – съемочная группа «Вестей», время моего общения обозначили в 20 минут, как, впрочем, и другим. Начала с извинений. Евгений Павлович снисходительно и великодушно поулыбался. А потом пошли по моим вопросам. У меня их было много, но время жизни больших людей расписано по минутам. А мне и так была оказана честь исключительно благодаря тому, что оказалась в числе избранных на каньшинском юбилее. На этот счет у меня иллюзий нет.

– Евгений Павлович, скажите, пожалуйста, ваши звания и титулы – это как бы общественный сертификат, выданный за качество Личности? И насколько уровень ваших достижений и возможностей отражает влияние мудрых и просветленных людей, с которыми вам довелось встретиться в жизни?

– Как часто бывает в России, воспитывала меня бабушка, потому что мать умерла еще до вой ны, а отец скончался в 1952 году. Бабушка была человеком с очень серьезным характером и воспитывала меня в духе правды. Так что, с одной стороны, жизнь от этого казалась легче, потому что я всегда верил в правду: для меня не существовало никаких, так сказать, глобальных разочарований или непонятных коллизий. С самого начала я оценивал их так же, как оцениваю и сегодня, в том числе Октябрьскую революцию и все связанные с ней последствия для страны.

С другой стороны, это приводило к тому, что у меня довольно рано в детстве проявились определенные сложности, когда, например, в школьные годы мне приходилось вечером вспоминать о том, кому и что я сказал и чем это обернется для меня и семьи. То есть появилась резкая граница между моими практическими действиями и моей внутренней жизнью.

– А не продолжается ли такой конфликт между внешней и внутренней жизнью и сейчас, в вашем взрослом периоде?

– Нет, сейчас он окончился. И не только у меня, но, по-моему, и в обществе.

– И как давно вы позволили себе быть таким, какой вы есть, и говорить то, что считаете необходимым и возможным?

– Ну говорить то, что считаю нужным, я начал давно, хотя на дворе стояла эпоха, когда, повторюсь, каждый вечер приходилось анализировать все сказанное за день, потому что это могло окончиться весьма плачевно. Была такая жизнь, как бы теперь сказали, с двойными стандартами, что, конечно же, оказывало на личность определенное воздействие. Впрочем, если сравнивать свои воспоминания с воспоминаниями тех, кто долгое время верил в романтику коммунизма, а потом, осудив Сталина, поднимал знамя Ленина, пока наконец не разочаровался во всем и пришел к правильному пониманию жизни, то я таких мучений не испытывал. С самого начала, впитав в себя бабушкин дух правды, я крепко стоял на четких позициях, и они у меня до сегодняшнего дня те же. Поэтому подобного кризиса у меня не возникало, но сама ситуация обостряла так называемое раздвоение личности, потому что, произнося определенные слова и вступая в определенную организацию, в том числе в партию, я ведь по-человечески действовал явно аморально. Но, признаюсь, воспринимал это осознанно.

– Выходит, бабушка была первым учителем в жизни?

– Да, бабушка была первым учителем. Отец, конечно, тоже много мне дал, но с ним я контактировал мало. Он заложил во мне основы нормальной человеческой морали. Он был человеком, который убеждал, что мы в долгу перед народом, перед теми, кто пашет, трудится, поскольку именно они дали нам возможность получить образование. И, действительно, государство дало мне возможность окончить университет, моя научная деятельность тоже финансировалась, в основном, из государственных средств.

– А если говорить о людях просветленных в самом широком смысле слова, с которыми вас свела судьба, какой жизненный урок дали вам они?

– Судьба свела меня со многими выдающимися деятелями. Отец познакомил меня с очень крупным физиком Т. Кравцом. Он, правда, был репрессирован одно время. Так ведь расстреляны и оба моих деда, поэтому я их не видел, но их история оказала на меня определенное влияние. Затем, уже во время университета и после вуза, мне посчастливилось познакомиться с такими людьми, как Игорь Васильевич Курчатов, как замечательный физик и гражданин Лев Андреевич Арцимович. Подлинным учителем для всех нас был Михаил Александрович Леонтович. Хороший физик-теоретик с очень сильной гражданской позицией, он и в те сложные времена не оставался равнодушным, а смело и активно боролся и против

лженауки всесильного Лысенко и против нападений на подлинную науку. Видите ли, в российском научном центре «Курчатовский институт» я с 56-го. То есть полвека. За это время судьба подарила мне замечательных учителей и коллег. Со многими из них мы двигались, так сказать, параллельно. Я шел по линии термоядерной, а академик Борис Петрович Жуков создал в России школу твердого топлива для ракет, Михаил Федорович Грушин был замечательным ракетным конструктором. Академик Лев Николаевич Кошкин, создавший роторно-конвейерные линии, высвободил от работы во время войны 400 тысяч человек на патронном производстве. В какой-то степени я считаю не учителем, а товарищем Анатолия Петровича Александрова, как личность, как директор института он очень много дал. Очень интересным человеком, который с моим отцом работал, был академик Николай Прокофьевич Мельников, конструктор таких предприятий, как «Атоммаш» и многих других, ученик Шухова. Михаил Дмитриевич Миллионщиков тоже работал в нашем институте, и с ним у меня были хорошие контакты, мы работали над рядом проектов. Тесные контакты сложились у меня с министром Дмитрием Федоровичем Устиновым…

– Это люди, которые создали вас как ученого.

А в личностном плане?

– Они же были и Личностями. У меня появлялись все новые друзья, в том числе и за границей. С советником по науке президента США Джона Кеннеди Джереми Визнером мы много работали в области ядерного разоружения. Мы с моим коллегой из США ученым Вайскопфом занимались иным вопросом – как уберечь человечество от ядерной катастрофы. Тогда же я познакомился с ректором Нотр-Дамского католического иезуитского университета в Соединенных Штатах Хезбургом. Этот университет присваивал звание почетного профессора. И вот Хезбург собрал группу, в которую вошли руководитель республиканцев в Конгрессе США, миллионер Рокфеллер, жена Мартина Лютера Кинга госпожа Кинг и еще несколько человек. Но самое забавное, что туда попал и я, член ЦК КПСС, ставший почетным профессором за рубежом. Я бы назвал еще такого человека, как раввин Стейнзальц. Замечательный философ, человек невероятно работоспособный, он каждый день переводит двенадцать страниц из Талмуда. Большое влияние на меня оказало знакомство с матерью Терезой и Далай-ламой. Все они по-своему формировали восприятие жизни и мировоззрение.

– Память ничего не вычеркивает, она просеивает события и людей, словно сквозь решето, оставляя самое главное. А какие наиболее яркие впечатления тех лет сохранила ваша память? В каких ситуациях проявлялись наиболее яркие эмоции вашей жизни?

– Эмоции могут быть как вселенскими, так и личными. Поэтому в числе наиболее острых эмоций остается воспоминание о том, как у меня на руках умер отец, собиравшийся на работу… Он тоже был полон эмоций, и вот из-за стресса у него оторвался тромб. Да и как могли бесследно пройти эмоции для отца, который 38-й год провел в Северодвинске, где строилось Севмашпредприятие. Отец поставил там самый крупный цех в мире, а его металлические конструкции смонтировал за 25 дней. Потом мы попали в эвакуацию, и он монтировал заводы на востоке. А когда фронт повернул на запад, мы приехали в 43-м в еще горящий Сталинград, где он восстанавливал оборонный завод. Затем строил здесь, в Москве. Как и отец, я соприкасался с разными сторонами жизни. В сталинские лагеря, Бог миловал, я не попадал, но видел их очень близко: в том же Северодвинске и в Москве, где у нас во дворе была колючая проволока, за которой советские заключенные ходили на работу в Московский университет.

С 14 лет я всегда сам зарабатывал деньги и никогда в жизни не чувствовал себя бедным. Бывали периоды, когда денег у меня не было, но это не значит, что я чувствовал себя бедным.

– Вы считаете, что бедность – это состояние психологическое?

– Конечно, когда вы чувствуете, что вы не только не имеете денег, но и не знаете, как их заработать.

– А в России сейчас, по-вашему, много таких людей?

– Много. К сожалению, здесь есть и психологическая сторона, потому что советский период стал как бы продолжением крепостного права и той философии. Когда людей отлучили от земли, от труда, от собственности, то отлучили и от всякой ответственности.

– И как вы думаете, на каком поколении это изменится?

– Надеюсь на лучшее, потому сейчас и стараюсь, работаю над программой «Достижения молодых». Ребята создают собственные компании, обучаются самостоятельности, самоутверждению.

– Евгений Павлович, скажите, чему нужно учить молодых, что должно составлять объем базовых знаний? Быстрота их обновления вызывает большую растерянность, а когда молодые не видят прямого применения знаний, то мотивация к обучению у многих резко снижается.

– Знаете, мое мнение таково, что есть некоторые вещи, которые и в Советском Союзе и в России делались хорошо, и это – преподавание математики, физики, базовых наук – надо сохранить обязательно. Опыт показывает, что именно руководители крупнейших компаний прошли, как правило, физтех, получили добротное базовое обучение, в которое – я убежден – должны войти не только знания искусства и науки, здравоохранения и морали, но и то переживание, которое, вообще говоря, немногие люди, к сожалению, испытали. Тем, кто прошел хорошую физику, удалось преодолеть некий барьер, когда человек осознает, что та действительность, к которой мы привыкли, ничего общего не имеет с реальностью. Ведь та же физика пережила революцию, когда возникли квантовая механика и теория относительности. А когда употребляют научные термины и видят за ними какие-то шарики и электроны, это совсем не то. Наш здравый смысл не является хорошим помощником в понимании природы. И это очень важно пережить. Потому что потом вы начинаете понимать, что могут быть более сложные ситуации, к вам приходит более серьезное осознание и в социальной области. Поэтому базовое обучение очень важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.